

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

2 (234) •
февраль 2018

ПРАВОСЛАВНЫЕ
БРАТСТВА В ИСТОРИИ
РОССИИ
стр. 8

«РОДНЫЕ – ЭТО
ХРИСТОВЫ»
стр. 12

ИКОНОПИСЦЫ –
О ВСТРЕЧЕ
МЛАДЕНЦА ХРИСТА
И СТАРЦА СИМЕОНА
стр. 30

ТЕМА

ВСТРЕЧА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

XXIV СРЕТЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

24 ФЕВРАЛЯ 2018

МОСКВА

Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит XXIV научно-богословскую конференцию студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения».

Основная цель конференции – обсуждение фундаментальных и дискуссионных вопросов современного богословия, философии, церковной истории, экклезиологии, катехетики, христианского свидетельства и миссии в современном мире, проблемных аспектов межрелигиозного диалога. На конференцию традиционно выносятся наиболее интересные работы специалистов и преподавателей, студентов и аспирантов духовных школ и светских вузов.

В рамках конференции планируется пленарное заседание и работа секций:

- секция миссиологии и катехетики
- секция Священного писания и литургики
- секция богословия и философии
- церковно-историческая секция
- секция религиоведения.

Конференция будет проходить с 9:30 до 18:00

в Свято-Филаретовском институте по адресу: Москва, ул. Покровка, д. 29 (станции метро «Курская», «Китай-город», «Тургеневская» или «Чистые пруды»).

Содержание

ФЕВРАЛЬ 2018

~ Событие

День православных
братств | 2

~ Тема номера

«Родные – это Христовы»
| 12

...И этот день не
заканчивается | 15

~ Конференции

В поисках причин
катастрофы нужно
вернуться ко времени
Золотой орды | 22

Перед угрозой нового
догматизма | 23

Они растут среди «фигур
умолчания» и портретов
Сталина в сувенирных
ларьках | 24

~ Живое предание

Рождественские
чтения | 3

«Мы призваны
свидетельствовать
ближним и дальним» | 6

Православные
братства в истории
России | 8

Братский помяник | 18

О дисциплине и свободе | 19

~ Преображенские встречи

Церковь и вера –
это область смысла
и красоты | 26

~ Церковь и культура

Иконописцы –
о встрече Младенца
Христа и старца
Симеона | 30

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 февраля 2018 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 16 февраля 2018 г.

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Светлана Калинина,
Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки:

Праведный Симеон с Младенцем Христом. Икона XVI в.

На четвертой странице обложки:

«Отослание апостолов на проповедь». Миниатюра Сийского Евангелия. 1339 г.

Тема встречи – одна из центральных в церковной жизни.

Сама эта жизнь начинается со встречи каждого из нас со Христом и остаётся возможной лишь в постоянной встрече во Христе друг с другом. «Unus Christianus nullus Christianus» (один христианин – не христианин), – говорил об этом Тертуллиан.

Сегодня мы рассказываем о тех, для кого открылась радость и ответственность этой встречи. Это и члены православных братств и общин, существовавших в XIX веке или родившихся в ответ на призыв святителя Тихона сто

лет назад, и члены первой общины Преображенского братства, отметившей своё тридцатилетие, и, конечно же, те, кто встретился в сам день встречи старца Симеона и Младенца Христа и очень по-разному и в то же время в едином духе вошёл в нашу общую память на иконах Сретения. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

День православных братств

Молитва перед открытием фестиваля «День православных братств», Екатеринбург

«Не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления».

Из послания свт. Тихона 1 февраля 1918 года

«В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ».

Из антирелигиозной статьи в газете «Известия», 26 апреля 1922 года.

Сто лет назад братское движение в Русской церкви пережило один из самых мощных своих подъёмов. Только что избранный Поместным собором патриарх обратился к опыту, который существовал в церковной жизни в течение столетий, то разгораясь, то затухая, но особенно ярко проявляя себя в периоды опасности, когда на-сущно необходимыми оказывались не теплохладное «вычитывание молитв» и «отстаивание служб», а горячая вера и верность, которую невозможно было уничтожить даже перед лицом смерти. В тридцатые годы этот духовный расцвет уйдёт в подполье: советская власть будет упорно уничтожать его ростки, физически убивая братчиков, и особенно – братских священников. А ещё позже церковь, сначала почти истреблённая, а после второго восстановления патриаршества подвергавшаяся постоянному насилию со стороны уполномоченных, почти забудет этот опыт и начнет относиться к нему как к чему-то непривычному...

Сегодня годовщину воззвания святителя Тихона многие называют Днём православных братств и отмечают в разных епархиях.

1–3 февраля в **Петербурге** прошла конференция, о которой мы рассказываем в этом номере (с. 8–11). А 6 февраля в духовно-просветитель-

ском центре Александро-Невской Лавры «Святодуховский» открылась фотовыставка «К 100-летию Александро-Невского братства» и прошла презентация книги историка М.В. Шкаровского «Сто лет Александро-Невского братства: история и современность».

В **Екатеринбурге** 4 февраля в Храме-на-Крови и в духовно-просветительском центре «Царский» состоялся фестиваль «День православных братств», организованный епархиальным миссионерским отделом, Свято-Елизаветинским и Свято-Екатерининским малыми православными братствами. Он собрал православные союзы клириков и мирян, общины, братства и сестричества Екатеринбургской епархии. Фестиваль начался Божественной литургией в Храме-на-Крови, которую возглавил митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, а продолжился работой круглых столов и праздничным концертом, подготовленным силами братьев и сестёр.

Воззвание патриарха Тихона вспомнили и в других городах: в Твери прошли молебны с поминовением братчиков-новомучеников, в Северодвинске – встреча с просмотром фильма об Александро-Невском братстве, ещё в нескольких городах планируются выставки по истории братских движений и посвящённые им круглые столы. **КФ**

Рождественские чтения

Текст: Александра Колымагина. Фото: Мария Кайкова

На открытии Чтений в Государственном Кремлевском дворце

В прошлом году Рождественские чтения справили двадцатипятилетие, и в этом году проходили уже в двадцать шестой раз. «Кифа» традиционно

приняла участие не столько в заседаниях секций (на них читали доклады другие члены Преображенского братства), сколько в том общении, которое объединяет в эти дни людей из самых разных епархий Русской православной церкви.

Конечно, секции и доклады Чтений могут быть очень разными по качеству – иногда очень содержательными и полезными, а иногда и такими, от которых «вянут уши» (например, в этом году мне посчастливилось услышать из уст одной премилей, но лишь недавно пришедшей к вере титулованной матушки, что в советское время «всё было прекрасно», а после него «всё стало ужасно», поэтому церкви должны позволить беспрепятственно учить православия в школе – «как это было в советское время», вполголоса добавила я, а надо было бы сказать это громко, чтобы все вспомнили,

что было с церковью и с научением вере в советское время).

Но то общение, которое поддерживает живые связи внутри церковного тела и позволяет встречаться тем, кто часто разделён расстоянием и постоянной занятостью, драгоценно всегда, и иногда способно даже исцелять и наши ошибки, и наше незнание, и непонимание друг друга.

В Зале церковных соборов храма Христа Спасителя в эти дни всегда можно найти издания СФИ

Синодальный миссионерский отдел и Свято-Филаретовский институт уже второй год проводят в рамках Рождественских чтений круглый стол, посвящённый миссионерскому богослужению

Участники круглого стола. Слева направо: старший преподаватель СФИ Кирилл Мозгов, первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, руководитель магистратуры Самарской духовной семинарии протоиерей Максим Кокарев, проректор по учебной работе Ташкентской духовной семинарии протоиерей Сергей Стаценко, епископ Губкинский и Грайворонский Софроний, ректор СФИ священник Георгий Кочетков, протоиерей Александр Лаврин, проректор Кузбасской духовной семинарии священник Андрей Мояренко

Год назад в центре круглого стола стояла проблема проповеди; в этом году темой разговора стала проблема понятности богослужения. Такой разговор не мог не начаться с обсуждения

исторической и современной практики богослужбной sprawy и литургических переводов. Доклад филолога Кирилла Мозгова задал для этого широкий исторический и географический контекст: в нём кратко рассказывалось

и о традиции sprawy и перевода в Русской православной церкви начиная с XVI века, и об опыте братских Поместных православных церквей, прежде всего Сербской и Болгарской. Вспоминались в докладе и «исторические травмы», ставшие долгим препятствием на пути справ и перевода, прежде всего события XVII века и последовавший за ними раскол.

В дискуссии участники круглого стола историческую тему продолжили: вспомнили наследие Поместного собора 1917–1918 гг., молитвы исповедников и новомучеников (в том числе хорошо всем известную молитву оптинских старцев) на русском языке. (Мысль о том, что хорошо бы вернуться к решению Собора и по выбору общины и благословению священноначалия разрешать богослужение на русском языке, возвращалась в ходе разговора ещё не раз.)

Эта «линия истории» неизбежно должна была дойти до сегодняшнего дня. Первый проректор СФИ Дмитрий Гасак вспомнил показательную историю с недавним обсуждением очень умеренного документа о языке богослужения, подготовленного Межсоборным присутствием. Число комментариев к нему на площадке

Виктор Судариков, ответственный редактор портала «Православие и мир», поднял в дискуссии тему о поэтических переводах богослужения.

для общецерковного обсуждения таких проектов – портале Богослов.ру – превысило несколько тысяч (к большинству документов набирается несколько десятков, редко – сотен откликов). Дискуссия сразу приняла острый и неконструктивный характер: её участники разделились на два лагеря – «за перевод на русский» и «руки прочь от церковнославянского», причём сторонники второй позиции не слышали абсолютно никаких аргументов и в резком, часто истерическом тоне стояли на своём: никогда никакого перевода. (Любопытно, что в документе шла речь лишь о замене в богослужебных текстах отдельных непонятных слов.) В результате проект был

Хор СФИ исполнил на традиционные церковные распевы тропарь и кондак Богоявления, «Свете тихий», богородичен «Преблагословенна ты, Богородице Дево» и Херувимскую. Все песнопения – в русском переводе

положен на полку и так и «не дожил» до обсуждения на Архиерейском соборе (случай для таких документов беспрецедентный).

На круглом столе разговор о богослужении шёл в совсем другом ключе: по словам одного из двух ведущих, епископа Губкинского Софрония, «в любви и общении». Конечно, в первую очередь участие в нём приняли священнослужители, очень быстро расширившие контекст разговора. Рассказав о многообразных опытах использования в богослужении переводов (чтение Писания сначала на церковнославянском, потом на русском языке, книжечки с параллельным церковнославянским и русским текстом богослужения и многое другое), они все оказались согласны в том, что один лишь перевод – не панацея, тем более что есть приходы, где о нём «и заговорить нельзя». Правда, при этом многие говорили и о том, что слухи о «сопротивлении народа» сильно преувеличены, и в их собственном опыте часто «бабушки» на удивление чутко откликаются на живые, полные смысла, хотя иногда и не вполне привычные им вещи (например, на служение литургии ап. Иакова).

Протоиерей Сергей Стаценко (Ташкентская епархия) напомнил об опасности магического отношения к молитве («правильно исполненный ритуал влечёт награду»). Проблема некоего «плавания в традиции», которое не приводит ко встрече с живым Богом, глубже, чем просто язык. Важны общинная жизнь, общие ценности внутри общины, важно, чтобы люди находились в живом общении с Богом. Эту мысль поддержал протоиерей Александр Лаврин (Москва): молитва должна стать для человека не текстом, а обращённостью.

Неудивительно, что в разговоре несколько раз возникала тема катехизации, в том числе и опыта раскрытия смысла богослужения людям, ещё только приходящим в Церковь и сталкивающимся с тем, что богослужение оказывается для них «закрытым». По свидетельству Д.С. Гасака, это всегда требует упорного катехизического труда.

После окончания круглого стола мы попросили двух соведущих дать краткий комментарий.

Комментарий епископа Губкинского и Грайворонского Софрония

Собираются люди, которых волнует обсуждение проблем, связанных с миссионерским богослужением или даже пониманием богослужения. Здесь, на этой площадке, мы такие вопросы обсуждаем, а участники обсуждения, приезжая на места, могут этим поделиться, опираясь уже не только на своё, но и на общее понимание и видение.

Святейший патриарх в своём слове на открытии Чтений говорил о том, что катехизаторская работа должна войти в повседневную жизнь каждого прихода и быть серьёзной, длительной, чтобы люди входили, как Вы сегодня говорили, в живое общение со Христом. Скажите, пожалуйста, какие усилия в связи с этим предпринимаются в вашей епархии, и есть ли приходы, где удаётся это сделать?

Конечно, не всегда всё удаётся. Я слухавлю, если скажу, что у нас всё идеально. Есть священнослужители старого формата, которым сложно ещё «переключиться», пересмотреть свои взгляды. А есть молодое духовенство, которое жаждет возрождения, обновления. Ведь на каждой литургии мы говорим: «Дух прав обнови во утробе моей». Если мы ничего не делаем, а просто молимся и просим Бога, а после этого уходим и то, о чём мы просили, оставляем лишь в ограде храма, в чём тогда будет обновление духа правды? Я благодарен, что молодые священники это воспринимают адекватно и стараются приложить максимум усилий к тому, чтобы люди смогли достичь в богослужении понимания, самого смысла.

Нынешняя церковь — это уже не церковь людей преклонных лет, это церковь молодёжи. Молодёжи всё больше на богослужениях, и это важно. И когда они причащаются,

когда подходят и называют свои имена, по глазам видно, что понимают зачем пришли и что происходит. Я даже в своём Рождественском послании к мирянам нашей епархии говорил: обращаясь прежде всего к вам, молодые люди, потому что вас в Рождественскую ночь всегда много в храмах. Я сказал, что вспоминаю то время, когда пришёл в храм, это был 1995 год. На богослужении стояли бабушки и зачастую пьяная молодёжь, которая просто зашла к 12 часам посмотреть-поглазеть. А сейчас молодые люди стоят и жаждут слова. И они стараются частицу своей любви, своей молитвы тоже в храме оставить. А архиерею, и священнику, и хору нужно постоянно готовить себя, чтобы суметь принять разных людей, которые пришли в Храм Божий. От правильного понимания нашего будет успех в этом деле. Церковь, церковный организм всегда обновляются.

Каких плодов Вы ожидаете от этого обсуждения?

Главное из того, что происходит на этой площадке, — общение. Священники и миряне поднимают те вопросы, которые их волнуют, которые невозможно обсудить в рамках отдельного прихода, церковной общины. Важно и то, что здесь встречаются представители разных епархий, от Москвы до самых отдалённых регионов и стран ближнего зарубежья.

Комментарий священника Георгия Кочеткова, ректора Свято-Филаретовского института

Каких плодов Вы ожидаете от этого обсуждения?

Я жду только одного: чтобы оживился вопрос соборности церкви теми средствами, которые

для неё традиционны. Богослужение здесь, конечно, стоит в центре. И нужно научиться собирать церковь благодаря нашему замечательному богослужению. В то же время надо научиться и

тому, чтобы собранная церковь могла адекватно совершать богослужение в том духе и смысле, которые заложены в нём Церковью на протяжении всех веков её истории. **КФ**

«Мы призваны свидетельствовать ближним и дальним»

О том, как проходил региональный этап Рождественских чтений в Тихвинской и Глазовской епархиях, рассказывают члены Преображенского братства

Беседовала Александра Колымагина

Текст на с. 7: Мария Цыбульская (Иоанно-Богословское братство), Марина Чиркова (Крестовоздвиженское братство)

Фото: на с. 6 с сайта Тихвинской епархии, на с. 7 предоставлены Марией Цыбульской

Вы в первый раз выступаете на региональном этапе Рождественских чтений в Тихвине?

Александр Буров, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии, член Свято-Петровского братства: Я участвую в Чтениях в третий раз. Организаторы чтений – руководство Тихвинской епархии (владыка Мстислав (Дячина) и о. Евгений Горячев), Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея (Вера Викторовна Бондарева) – стараются с одной стороны поддерживать высокий уровень конференции, с другой – разнообразие и широту представленных тем. Чувствуется исключительно уважительное отношение к главным слушателям конференции – учителям школ Ленинградской области. На конференции они знакомятся с лучшими современными достижениями в области гуманитарных наук. Состав спикеров говорит сам за себя: историк А.Б. Zubov, поэт и филолог О.А. Седакова, литератор А.Н. Архангельский, литературовед П.Е. Бухаркин, историк К.М. Александров, философы Р.В. Светлов и А.Б. Гарин, режиссёр В.С. Правдюк и это далеко не полный список. Большинство из названных мною имён хорошо знакомо читателям «Кифы» и членам Преображенского братства. Нельзя не отметить также неизменное на протяжении ряда лет активное

участие в конференции учёного секретаря СФИ, доктора филологических наук Ю.В. Балаксиной.

Что Вам показалось наиболее интересным в этом году?

В этот раз на меня большое впечатление произвело выступление гостя из Баварии, политического философа Александра Борисовича Гарина. За какие-то полчаса он ввёл нас в мир «больших дискуссий» политических и социальных мыслителей Старого и Нового Света. Это было нелегко. Хотя бы потому, что для многих слушателей имена Харальда Бермана и Аласдера Макинтайра звучали впервые, как и рассказ о «папской революции», «борьбе за инвестиру» и прочие сюжеты, связанные с темой духовных основ европейской государственности. Нелегко бывает выбираться из своего замкнутого мирка на большой исторический и мыслительный простор. Кто-то ворчал, мол, зачем нам это. Кто-то дремал. Но многие ловили буквально каждое слово. Спикер, среди прочего, убедительно показал богатство христианской общественной мысли, достойно полемизирующей с лучшими интеллектуалами прошлого и настоящего.

Кроме пленарного заседания я могу говорить только о секции, в которой участвовал я – педагогической. Руководил её работой протоиерей Алексей Уминский. Я бы отметил его несомненное обаяние и ораторское мастерство. А также то, что можно назвать эмпатией. Он абсолютно расположил к себе учителей своим вниманием к их проблемам и отсутствием даже намека на какую-либо дидактику. Также были очень интересны и содержательны доклады известного в СФИ проф. РХГА Ф.Н. Козырева о преподавании религии как дара, а не как чисто внешнего набора сведений и Т.С. Чуровой о приходском музее при соборе Рождества Пресвятой Богородицы в Новой Ладого, фактически музее по истории РПЦ в XX веке. Моё же выступление было посвящено подвигу, другого слова не подберу, учителей русского зарубежья, которые почти без средств смогли вернуть детство детям, пережившим гражданскую войну и потерю Родины. Надежда – вот, пожалуй, то, что рождает в душе Тихвинские чтения.

Это обсуждение было «как высокий крестный ход». Его итогом стало понимание того, что невозможно построить соборность, если нет личности, познавшей Бога, выбравшей ответственно путь со Христом как единственный путь своей жизни.

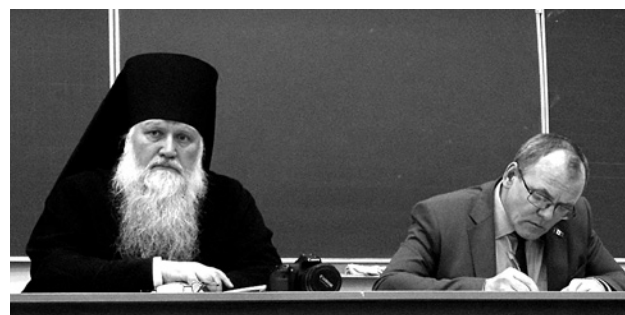
По приглашению Г.А. Кочина, архивиста Глазовской епархии и члена Оргкомитета конференции, члены Преображенского братства, выпускники СФИ уже во второй раз приняли участие в Межрегиональной церковно-исторической конференции «Островские чтения», региональном этапе Рождественских образовательных чтений, прошедшем 8 декабря в городе Глазове.

Открывая конференцию, владыка Виктор, епископ Глазовский и Игринский, подчеркнул, что мы предпринимаем обращение к прошлому, чтобы глубже осознать то, что происходит в нашем мире, и с упором на духовно-нравственные ценности сделать шаг в будущее: «Мы – христиане, и призваны свидетельствовать ближним и дальним о непреходящей ценности и практической значимости божественных заповедей, которые суть источник воды, текущей в Жизнь Вечную, по слову апостола Иоанна Богослова».

На секции «Соборность как основа единства России» прозвучало немало интересных докладов. Е.В. Самойлов вдохновенно рассказал о соборности в соборности Церкви в соборности братства Христова в соединенности веры, молитвы и жизни. Проблема возрождения соборности стояла на Поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг., а её воплощением явилась «эпидемия братств» в Петрограде, особенно же – Александро-Невское братство. Она явила себя в многообразном опыте новомучеников и исповедников Российских, прославленных

и непрославленных, и созданных ими общин: община архим. Сергия (Савельева), «покаяльные семьи» священномученика Сергия Мечёва, трудовое братство еп. Макария (Опоцкого) и др. Сегодня реальной попыткой осуществления соборности как качества церковной жизни может служить опыт Преображенского братства. Это один из примеров соборности Церкви как братства, как единого Тела Христова, живущего «в мире сем, но не от мира сего», в том числе и через длительную (год и более) катехизацию, которая практикуется более сорока лет. Этот опыт даёт надежду на восстановление соборности как в каждой личности, так и во всём народе Божьем. Надежду на возможность глубокого покаяния, изменения вектора жизни всех и каждого – ради подлинного единения людей в нашей многострадальной стране Российской. Доклад завершился аплодисментами, а заседание секции – стихами.

На подведении итогов конференции координатор секции «Соборность как основа единства России» Н.Н. Закирова поделилась тем, что для неё это обсуждение было «как высокий крестный ход». Его итогом стало понимание того, что невозможно построить соборность, если нет личности, познавшей Бога, выбравшей ответственно путь со Христом как единственный путь своей жизни. Построить в себе такую личность – тоже непросто, ведь русский народ, по словам Лескова, был крещён, но не был воцерковлён («сие бесспорно, что мы во Христа крестимся, но ещё во Христа не облакаемся»). Сегодня же разрушены отношения между людьми, разрушены потому, что каждый человек разрушен изнутри. Люди потеряли Бога. И всё это надо как-то восстанавливать. Поэтому проблема духовно-нравственного просвещения каждого человека стоит очень серьёзно.

Епископ Глазовский и Игринский Виктор и зав. кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко С.Л. Логинов на пленарном заседании Чтений

Конференция завершилась круглым столом, на котором были подведены итоги всех секционных заседаний. В завершение владыка Виктор отметил, что даже регулярное посещение церкви не делает человека святым. Ежедневное общение с Богом не уберегло ни Иуду, ни Адама. Всё зависит от самого человека, от его свободной воли. Для того, чтобы приблизиться к Богу, не нужно подражать Его божественности и сверхъестественности. Богу нужно подражать в Его любви к людям. Охрана границ, лечение больных, строительство домов, преподавание в школе и даже выдача кредитов в банке – всё это могут быть ничуть не менее духовные дела, чем ношение вериг, возлежание на земле в отшельнической келье. Это зависит от свободной воли человека, от того, ради себя любимого или ради других он всё это делает. Основная цель Рождественских чтений – чтобы мы эти прописные истины осознали сами для себя и помогли донести этот свет людям. КФ

Доклад Марии Цыбульской на секции «Соборность как основа единства России» был посвящен проявлению соборности в соборности братства Христова

Православные братства в истории России

В Петербурге прошла Международная научная конференция
к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов

Текст: Александра Колымагина
Фото: Александр Волков

Одним из самых заметных событий первого дня конференции стал доклад прот. Георгия Митрофанова, посвящённый служению свт. Тихона

1–3 февраля в Санкт-Петербурге собор Феодоровской иконы Божьей матери (Санкт-Петербург), Свято-Филаретовский православно-христианский институт и Преображенское содружество малых православных братств провели по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия Международную научную конференцию «Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов». Не претендуя на полноту освещения этого масштабного события, предлагаем вниманию читателей краткий репортаж.

В начале февраля мне довелось побывать на конференции «Православные братства в истории России».

Подъезжая ранним утром к Петербургу, я не могла не вспомнить все, о чём пришлось передумать и написать в прошедшем году в ежемесячной хронике событий столетней давности. И сквозь обычные окраины современного мегаполиса мне виделся образ того давнего Петрограда, полного сначала обезумевшими толпами запасников, а потом отрядами озверевших вооружённых рабочих – столицы, из которой выплёскивалась и расплзалась по всей России страшная, затопившая страну тьма.

В непривычной утренней темноте я дошла до собора Феодоровской иконы Божьей матери. И первые же слова, которые услышала в переполненном зале конференции, будто ответили на этот не отпускавший меня образ темноты. «Да, то было время страшного зла и греха, но и время великих духовных открытий», – сказал, начиная свой доклад, духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков. Этот доклад, говоривший о том, что могут сделать для церкви в своём служении братства, многие из гостей конференции потом в разговорах называли самым ясным и самым запомнившимся. Может быть, потому, что в нём говорилось о смелости и открытости, о любви и стремлении к святости, о борьбе за личность и соборность, общение и служение, за исполнение своего призвания человеком и человечеством, о включённости всех христиан, всех верных в церковную жизнь – обо всём, чего ищет сердце неравнодушного человека, пришедшего к вере и в Церковь.

Это вводило разговор в очень ценную, на мой взгляд, атмосферу поиска живой связи прошлого и настоящего, в которой нет места абстрактным, оторванным от жизни и её насущных задач теоретическим эскерсисам.

Именно это чувство живой заинтересованности и докладчиков, и аудитории было характерно для всех докладов и дискуссий, касались ли они дореволюционных

Одним из свидетельств о «неубиваемости» братства как явления церковной жизни стали воспоминания о том, как чекист, пришедший на собрание одной из групп верующих в 1970-е годы, чтобы переписать паспортные данные, обратился к собравшимся с недоумённым вопросом: «Мы же вас всех в 1920-е постреляли, откуда же вы взялись??»

братств или малых групп «меневского» круга 1980-х годов и начала существования будущего Преображенского братства в 1970-е.

Конечно, то, о чём я говорю, вовсе не значит, что доклады представляли собой некие публицистические эссе. Серьёзная архивная база, редкие документы, описание малоизвестных событий придавали вес самым разным по тематике выступлениям.

Вопросы поддерживали общую тональность: ведь не одним только специалистам-историкам важно понять, почему некоторые из дореволюционных братств, поддерживавших плодотворную и активную просветительскую и благотворительную деятельность, покорно прекратили своё существование после декрета об отделении церкви от государства в 1918 году, а другие упорно сопротивлялись всем попыткам уничтожить живую связь между их членами – даже после того, как многие из них оказывались в ссылках, в лагерях или были физически уничтожены. (Одним из свидетельств о «неубиваемости» братства как явления церковной жизни стали воспоминания о том, как чекист, пришедший на собрание одной из групп верующих в 1970-е годы, чтобы переписать паспортные данные*, обратился к собравшимся с недоумённым вопросом: «Мы же вас всех в 1920-е постреляли, откуда же вы взялись??»)

Важен сегодня и вопрос о соотношении братства и прихода, их взаимодействии (или, как говорили некоторые докладчики, «синтезе») – и неслучайно эта тема звучала не один раз.

Непраздным остается и вопрос о том, могли ли братства собираться по сугубо национальному принципу. Прекрасной иллюстрацией здесь стал ответ прот. Константина Костромина, посвятившего свой доклад эстонскому православному братству сщмч. Исидора Юрьевского, на вопрос о составе братства. По словам о. Константина, пофамильные списки сдачи обязательных взносов дают возможность заключить: 2/3 членов братства, занимавшегося просвещением православных эстонцев (что включало и регулярные богослужения на эстонском языке) по национальности сами были русскими.

Не менее интересными были и разговоры в кулуарах: после секции, посвящённой тем дореволюционным братствам, которые не пережили 1918 год (насколько об этом можно судить из сохранившихся документов), историк и геральдист В.И. Лавренов сказал мне, что он всё чаще при-

ходит к выводу: многие лакуны в послереволюционной истории братств связаны с целенаправленной зачисткой архивов в советское время. С тем, что это предположение очень достоверно, согласились и другие специалисты. И действительно: деятельность братств была очень значительной, суммы пожертвований на благотворительную и просветительскую деятельность, озвученные на секции (а в докладах упоминались братства Владимирской, Калужской, Тульской, Олонецкой епархий), переведи мы их в сегодняшний масштаб цен, составляли десятки и сотни миллионов. Трудно поверить, чтобы такая склонность к жертвенности была жёстко связана с государственным статусом церкви. Скорее всего, мы не знаем (и, увы, никогда не узнаем) какую-то часть трагических страниц послереволюционной истории братств в разных городах России.

Мы очень надеемся познакомить читателей в ближайших номерах с многочисленными интервью, записанными на конференции, и с фрагментами наиболее интересных докладов.

Участники же конференции закончили её заседания круглым столом, в конце которого не сговариваясь сказали, что эти дни – только начало большого разговора, и все они будут ждать его продолжения.

Проректор по научно-богословской работе СПбДА прот. Константин Костромин, ректор СФИ свящ. Георгий Кочетков, зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ К.П. Обозный

* Неформальные собрания верующих преследовались вплоть до 1988 года (празднования тысячелетия крещения Руси). На любую встречу, где вместе читали и обсуждали Писание, могли нагрянуть с проверкой и переписыванием паспортных данных всех присутствующих (что могло означать дальнейшие неприятности на работе или в институте) сотрудники КГБ. Тюремные сроки за такое общение были редкими, но тем не

менее они были: основатель Братства вятских христиан Борис Талантов умер в тюрьме в 1971 году, участники «Христианского семинара» Александра Огородникова получили серьёзные тюремные сроки в 1979 году, исследователь церковной жизни (в том числе и братских движений) раннего советского времени Павел Проценко был осуждён на три года лагерей в 1986 году. Все приговоры выносились по политическим статьям.

Из доклада Светланы Яшиной
«Возникновение и деятельность Совета объединённых приходов Москвы»

Члены Совета объединённых приходов Москвы

Н.Д. Кузнецов, священник. Аверий Полозов, прот. Николай Цветков, прот. Сергей Успенский, М.А. Новосёлов, Г.А. Рачинский, А.Д. Самарин

На страницах «Московских церковных ведомостей» в третьем номере за 1918 г. мы находим сообщение о состоявшемся в Епархиальном доме 30 января 1918 г. собрании представителей московских приходских советов и общин. Инициатива собрания принадлежала архиепископу Коломенскому и Можайскому Иоасафу (Каллистову), викарию Московской епархии. Еще в марте 1917 г. он поддержал воззвание, направленное ему членами московского епархиального съезда, о том, что в настоящее время «спасти Церковь может тесное единение епископа, клира и мирян».

Основными в повестке дня были вопросы о современном положении Православной Церкви и о способах защиты храмов и церквей Москвы в новых условиях. Было решено образовать Совет объединённых приходов города Москвы, основной целью которого будет не только защита храмов и святынь, но и консолидация управления всеми московскими храмами и приходами.

На первом своем заседании 31 января 1918 г. Совет выработал основные задачи, которые определили его дальнейшую деятельность.

Главной задачей стало налаживание централизованного управления московскими приходами. Для этого был создан собственный печатный орган – «Еженедельник». Важнейшей задачей стало распространение «Еженедельника» по всем приходам Москвы и Московской губернии без исключения вместе с воззваниями патриарха, решениями и постановлениями Поместного собора, а впоследствии и Высшего церковного совета. Печатный орган Совета продолжал выходить даже после закрытия московских типографий в конце июня 1918 г. Правда, постановления приходилось печатать на печатной машинке, что существенно сократило количество экземпляров.

Вторую свою важную задачу Совет видел в организации православного народа для охраны церквей, храмов, монастырей и их святынь от всякого посягательства и мародёрства со стороны советской власти. В условиях большевистских гонений на церковь важно было понять, что защищать нужно не только материальные ценности, но и человека. Периодически в адрес Поместного собора и епархии поступали сообщения о нападении на священников. Информация об убийстве митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) 25 января 1918 г. поставила перед Советом вопрос об обеспечении безопасности Свя-

тейшего патриарха. Многочисленные аресты духовенства и верующих Москвы требовали от Совета действий и в этом направлении.

Октябрьские революционные события в Москве привели к многочисленным разрушениям; особенно пострадали соборы Кремля. Крестный ход, прошедший 28 января 1918 г. как протест против этих событий, собрал сотни тысяч человек. Обсуждая оживление и собиравшиеся церковной Москвы после крестного хода, члены Совета отмечали, что только активный и сознательно верующий народ на приходах может защитить и сохранить церковь. Поэтому поддержание и развитие приходской жизни стало третьей задачей, которую Совет поставил перед собой. Важно было подумать о духовном просвещении народа, особенно учитывая постановление советской власти об отделении школы от церкви. Как не допустить отмены преподавания Закона Божьего в школе? Как, несмотря на декрет, помогать и детям, и взрослым входить в церковное Предание?

В руководящий орган Совета и Исполнительное бюро были избраны известные церковной общественности Москвы клирики и миряне, приложившие много сил для собиравшего церковного народа, развития духовного просвещения и обновления церковной жизни. Многие из них были членами Поместного собора 1917–1918 гг.

Председателем Совета стал Александр Дмитриевич Самарин – человек, имевший безоговорочное доверие у москвичей, один из главных кандидатов при выборах на Московскую митрополию кафедру, член Поместного собора. В руководящий состав Совета были избраны известные в Москве священники и миряне: протоиерей Сергей Васильевич Успенский и Николай Васильевич Цветков (будущий представитель патриарха в Помголе, член Поместного собора); священник Аверий Александрович Полозов, который горячо откликнулся на выход декрета от 23 января 1918 г. докладом «О недопущении отмены преподавания закона Божьего в школе», Григорий Владимирович Сапожников, член братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа; Григорий Александрович Рачинский – церковный и общественный деятель, постоянный председатель Московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва; Михаил Александрович Новосёлов – богослов, писатель, член Поместного собора; Николай Дмитриевич Кузнецов –

Совет рекомендовал «на случай открытого посягательства на храмы и священные церковные предметы» сначала вступить в устные переговоры, а если это не действовало, «тревожным звоном (набат) созвать прихожан на защиту церкви», не прибегая к силе оружия. Эта рекомендация была принята и оказалась действенной. Об этом можно судить по реакции советских властей, выпустивших 30 июля 1918 г. декрет, согласно которому виновные в созыве населения набатным звоном предавались революционному трибуналу

Один из древнейших храмов
Москвы – собор Спаса
Преображения на Бору –
был возведен в 1330 году.
Разрушен в 1933 г.

юрист, специалист в области канонического права, церковный правозащитник, член Поместного собора.

Взаимодействуя с приходами, Совет давал им рекомендации по защите церковных святынь. Он рекомендовал «на случай открытого посягательства на храмы и священные церковные предметы» сначала вступить в устные переговоры, просить о созыве приходского совета, а если это не действовало, то «надлежало бы тревожным звоном (набат) созвать прихожан на защиту церкви», не прибегая к силе оружия. Эта рекомендация была принята и оказалась действенной. Об этом можно судить по реакции советских властей, выпустивших 30 июля 1918 г. декрет «О набатном звоне», согласно которому виновные в созыве населения набатным звоном предавались революционному трибуналу. Именно этот призыв к выступлению по набатному звону во всех судебных обвинительных документах против руководителей Совета объединённых приходов будет фигурировать как основное действие, «направленное к подрыву в широких кругах населения доверия к социалистической власти». Однако даже в 1922 г. при проведении в Москве кампании по изъятию церковных ценностей ни декрет, ни другие выпущенные директивы не смогли предотвратить набат и собрание людей на защиту храмов и святынь.

Опираясь на призыв патриарха создавать «братства, союзы, советы...», Совет призывал открывать религиозные общества и братства из лиц, живущих и не живущих на территории прихода. Среди таких объединений были вновь созданное братство храма Христа Спасителя (председатель братства – член Поместного собора протопр. Александр Хотовицкий), Союз ревнителей и проповедников благочестия, основанный ещё в октябре 1917 г. настоятелем собора Василия Блаженного прот. Романом Медведем (к февралю 1918 г. при многих московских церквях были созданы отделения «Братства ревнителей», а 12 февраля его устав был одобрен патриархом Тихоном). Возникали общины и братства, поддерживавшие связь с Советом объединённых приходов Москвы, и в городах Подмосковья: в начале февраля 1918 г. из жителей Сергиева Посада при академическом Покровском храме была создана община по защите Лавры. Члены общины, сплотив других жителей города, смогли в январе 1921 г. предотвратить вывоз мощей прп. Сергия из Лавры. Члены Братства по защите Новоиерусалимского монастыря,

образованного 10 апреля 1918 г., смогли предотвратить варварское уничтожение иконостаса и алтаря монастыря, запланированное в июле 1919 г.

В июне 1918 г. появился Союз православных женщин (председатель – бывшая фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, сестра А.Д. Самарина – Софья Дмитриевна Самарина). Союз был создан, прежде всего, для помощи нуждающимся и находящимся в заключении духовенству и мирянам, но он осуществлял и религиозно-просветительскую деятельность.

Совет объединённых приходов понимал важность научения народа правильному участию в православном богослужении и считал, что «чинное и возможно совершенное исполнение церковных служб должно составлять предмет первой и постоянной заботы клира и мирян». Особое внимание Совет уделял проповеди и внебогослужебным беседам в храме, где была «возможность разъяснять смысл и значение христианских истин и пути к осуществлению христианских заповедей в применении к тем условиям и явлениям, среди которых народ живёт в данную минуту». Один из руководителей Совета, Н.Д. Кузнецов, предложил образовать в каждом благочинии религиозно-просветительские кружки или советы из духовенства и мирян. На летнем заседании 1918 г., после одобрительной резолюции патриарха на это предложение, Совет наметил открытие особого отдела проповеди, в котором основными задачами было бы образование кадров проповедников из клира и мирян, обучение их составлять проповеди, печатание составленных проповедей, а также печатание проповедей лучших проповедников древности. Кроме того, планировалось проведение специальных религиозно-просветительских бесед.

Советская власть постаралась и тут сделать всё, чтобы церковь замолчала: 3 января 1919 г. вышел циркуляр НКЮ РСФСР (§ 12 о проповедях), который регламентировал место и содержание проповеди в богослужении.

Приходские советы продолжали поддерживать церковную жизнь в Москве и в 1920-е годы (во время больших антицерковных кампаний), в то время, когда их руководящий орган официально перестал действовать после ареста его руководителей в 1919 году и суда по «делу Совета объединённых приходов» в начале 1920 года. **КФ**

«Родные – это Христовы»

Тридцать лет назад родилась первая община Преображенского братства

Фото: из архива Анатолия Мозгова († 2008), Александр Волков

Отец Георгий, исполнилось 30 лет со дня рождения первой общины Преображенского братства – общины, главой которой Вы оставались почти все эти годы. Как суметь выделить из множества событий этих лет самое важное и подлинное, то, что точно нужно запомнить? И что бы выделили Вы сами?

Это вопрос, который не имеет ответа. Потому что выделять главное каждый раз приходится заново – в зависимости от контекста, от объёма, от поставленной задачи; одно и то же событие может в одном контексте быть крупнейшим, важнейшим, а в

другом – более или менее второстепенным. Говорить об этом трудно и потому, что община – это неформальное единство. Любая человеческая семья определяется в первую очередь неформальными рамками, но община – это духовная семья во Христе, а значит, в ней людей объединяют ещё более неформальные отношения.

Так что выделить какие-то основные события, тем более за тридцать лет (это целое поколение, даже больше), – очень сложно. Хотя, конечно, на первое место всегда становится момент рождения общины, – после подготовки, после каких-то искушений, после покаяния, если надо. Община рождается, когда люди любят друг друга любовью Христовой и при

этом чувствуют свою полную личную ответственность за каждого и за всех вместе. И мы, конечно, больше всего ценим именно такую семейственность – когда люди сродняются друг с другом на большей глубине, чем та, которую даёт родство по крови или по общности внешней канвы человеческой судьбы. Это единство общины во Христе обрести очень трудно. Духовная семья буквально должна родиться. Она не просто складывается или организуется, оформляется или объявляется – она рождается духовно. И происходит это тогда, когда люди не просто так или иначе объединились друг с другом, а когда они нашли друг друга в Господе и готовы жить вместе во взаимной ответственности, имея в

Во внутренней истории общины есть такие процессы, которые не происходят на глазах и даже до конца рационально не осознаются. Они переживаются где-то в глубине сердца, лично, но в то же время и соборно, общинно и одновременно церковно, потому что община во Христе не может жить вне церкви.

Община в картинной галерее во время паломничества в Воронеж. 2017 г.

виду границы этой семьи и не теряя личностного подхода друг ко другу – что очень трудно, особенно для тех, кто несёт в своей жизни большую нагрузку.

Семья рождается и действительно обретает какие-то духовные черты тогда, когда готова этот духовный дар принять, причём вся без изъятия, в полном своём составе. При этом она должна хорошо понимать, кто входит в неё, а кто остаётся только другом или гостем; ей очень важно знать свои границы, ведь личностные отношения строятся не с бесконечным количеством людей. Община складывается тогда, когда в ней двенадцать, пятнадцать, двадцать человек. В крайнем случае, в каких-то чрезвычайных обстоятельствах может быть немного меньше или немного больше, но всё равно не больше тридцати человек, не меньше семи или десяти. Должна быть какая-то степень воплощённости духа и жизни, чтобы единство во Христе могло проявить себя достаточно полно.

Чудо рождения общины происходит, когда прошёл какой-то подготовительный период, иногда длительный. В нашем случае он был очень долгим – с 1975 до 1988 года. Рождение первой общины готовилось тринадцать лет, а это немалая часть жизни взрослого человека. Люди же собираются, не подбирая друг друга под свой характер, свои вкусы, привычки или какие-то пожелания, а тем более интересы. Иногда им очень трудно вместить это многообразие духовных характеров и опытов внутри одной общины. Поэтому такое

первостепенное значение имеет личностное общение через Христа и во Христе. И очень важно, чтобы семья во Христе рождалась постольку, поскольку это даёт Господь, а не просто потому, что нам так захотелось.

Когда духовная семья рождается, начинается её история, внутренняя и внешняя. Внутренняя почти неопишима. Община проходит кризисы, в её жизни бывают потери, но бывают и находки – она получает откровения, которыми люди делятся. Иногда бывает и так, что отношения с кем-то вдруг пропадают, порой надолго, и нужно проявить максимум терпения, чтобы эти отношения восстановить, исцелить. Это не всегда удаётся, и тогда люди уходят из общины, переходят в другую общину или вообще в какое-то другое место. В семье могут быть свои трагедии. Когда она уже долго живёт, она, конечно, переживает и естественную физическую утрату членов семьи, своих духовных родных.

Здесь стоит вспомнить слова отца Сергия (Савельева): «Родные – это Христовы». Именно такое личностное Христово отношение друг ко другу принципиально важно обрести. Во внутренней истории общины есть такие процессы, которые не происходят на глазах и даже до конца рационально не осознаются. Они переживаются где-то в глубине сердца, лично, но в то же время и соборно, общинно и одновременно церковно, потому что община во Христе не может жить вне церкви. И то, что происходит в самой общине, происходит во всём мире, ведь оно происходит в Церкви

Христовой, которая имеет вселенский и соборный характер.

Внешняя же сторона истории семьи связана со многими знакомствами, приглашениями к себе в гости новых людей – а иногда не просто в гости: некоторые люди входят в процессе развития отношений в саму семью. У нас такое тоже происходило несколько раз, в общину входили разные люди. Кто-то легко входил, кто-то трудно, а кто-то и не удерживался. Самые замечательные люди были гостями нашей семьи: достаточно назвать хотя бы академика Сергея Сергеевича Аверинцева и многих других. Всё это очень важно для жизни общины.

Системообразующим началом для духовной семьи-общины являются не только евхаристия и покаяние (они важны для всех членов церкви), но и агапы. Их значение чрезвычайно велико, потому что в них есть возможность активно, достойно ответить Господу Богу на те духовные дары, которые Он даёт не только на евхаристии, но и во всей нашей жизни. И здесь невозможно не сказать, что никогда за все тридцать лет агапы не проходили у нас плохо. Они не только проходили регулярно как часы раз в два месяца все тридцать лет – мы никогда их не отменяли – но они всегда были живыми, горячими, благодатными и плодотворными, даже в периоды какого-то охлаждения или кризиса (а такое тоже бывало).

Для жизни общины важна взаимопомощь разного рода: и молитвенная, и советом, да и в самом общении на разных встречах. В духовной семье

всегда должна быть определённая «концентрация» таких регулярных встреч и других событий. Интенсивность жизни – это очень серьёзный показатель качества жизни общины. Если интенсивности не хватает, она может впасть в искушение, может даже начать разваливаться. Но можно ведь и загнать общину излишней перегрузкой, такое тоже бывает.

Очень важно делиться своим опытом, в том числе и профессиональным, и культурным. Ведь во всякой духовной семье знания и интересы постепенно становятся общими для всех живых реальных членов общины. А члены духовной семьи действительно должны быть живыми и реальными. Община должна смотреть за тем, чтобы в ней не появлялось «мёртвых» членов. Для этого нужно уметь жить вместе, и поэтому иногда делать и какие-то поправки, замечания друг другу – при этом без морализаторства или без менторства, что тоже принципиально важно.

Община должна быть включена в братскую и общецерковную жизнь. Я думаю, это аксиома нашего опыта. В жизни нашей общины всегда играли большую роль все события, которые носят общецерковный характер, но также и события в малом и большом братстве. Нам очень важны все соборы братства, собрания, конференции, жизнь Свято-Филаретовского

института, тем более что в нашей общине по меньшей мере четыре центральных фигуры СФИ, в том числе два заведующих кафедрами. В общине есть разные люди. Все должны раскрываться, все должны жить открытой и в то же время сокровенной внутренней жизнью.

Конечно, не всё у нас получается. Например, не всегда получалось помогать родителям в христианском воспитании их детей. Тут, конечно, опыт накапливался постепенно. Было время в первые годы, ещё до рождения братства, когда община была очень, даже слишком велика. Иногда в ней было под тридцать и даже за тридцать человек взрослых полных членов и большое количество маленьких детей. Сейчас, конечно, это уже давно не так. Родилось братство, у людей появились альтернативные возможности, дети давно выросли – кто-то из них остался в братстве, но живёт в других общинах, а кто-то и не сохранился в братстве. Но у нас в общине есть сестра Наталья, которая является одним из руководителей детской работы в братстве и одним из руководителей детской братской школы.

Ещё мы вместе ездим в ежегодные паломничества, хотя бы на несколько дней, чаще всего в пределах недели. Для нас это очень важно. Мы всегда сами организуем эти встречи, особен-

Агапа всегда предполагает не только трапезу, но и общение. Евгения Кузьминична Кочеткова с сыном на агапе. 1995 г.

но в последние годы, для того, чтобы иметь возможность оторваться от всех своих обычных многочисленных нагрузок и посвятить эти дни духовной семье – общине.

Так как прошло уже тридцать лет, понятно, что мы часто вспоминаем усопших членов общины. Сохраняется и их опыт.

И если учесть, что община прожила многие годы вместе, а некоторые жили вместе в группе и до 1975 года, до начала подготовки к собственно общинной жизни, то всё это вместе – очень большой серьёзный опыт. С другой стороны, понятно, что члены общины немолоды: самому молодому уже под пятьдесят (а начинали-то мы совсем молодыми). Ну, так и должно быть, это нормально. Если община живёт уже три десятилетия (а обычно начинают общинную жизнь люди не раньше двадцати пяти лет), то это основная часть жизни её членов. Самая активная часть жизни человека обычно длится двадцать-тридцать лет, очень редко сорок. Так что наш возраст – это и плюс, но и, может быть, какой-то признак нашей слабости. И в то же время община – это, конечно, радость, которая возрастает. Даже когда есть искушения, всё равно радость не покидает наши сердца, и мы несмотря ни на какие препятствия находим возможность встретиться. У нас не принято закрываться, замыкаться только на себе, хотя среди нас есть и интроверты. Мы стараемся побуждать себя и друг друга к открытости, к полному доверию. И можно надеяться, мы здесь не подводим друг друга. **КФ**

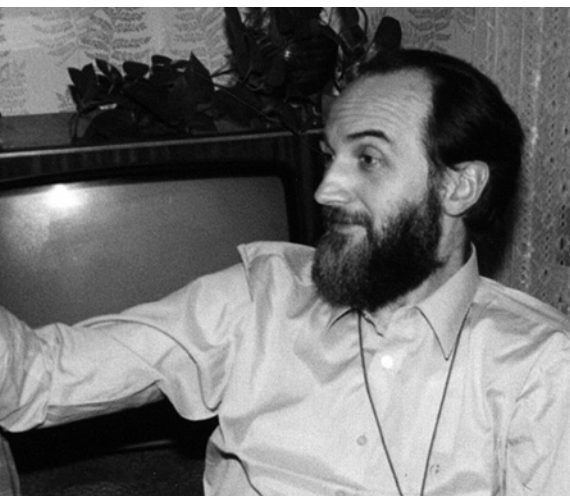

А так праздновалось пятидесятилетие общины. На стенах – картины Е.-Л. Галкиной. В гостях у общины еп. Серафим (Сигрист) (Православная церковь в Америке), члены других общин Преображенского братства.

...И этот день не заканчивается

«Кифа» обратилась к нескольким членам первой общины Преображенского братства с вопросом: «Что первым вспоминается Вам из этих 30 лет?»

Фото: Анатолий Мозгов († 2008). Фотографии были сделаны на встречах общины в 1990-е – начале 2000-х

Александр Копировский (1997 г.)

Александр Копировский: Как ни странно, не могу выделить чего-то «первого», самого яркого. Весь путь, пройденный нашей общиной, может показаться на первый взгляд невероятно длинным и сложным: кризисы и откровения, взлёты и падения, уход одних, вхождение других... А на самом деле – тридцать лет как один день, единый по смыслу и содержанию. И этот день не заканчивается...

Вадим Серов: Весь объём этой общей жизни в целом встает перед глазами. Что-то конкретное вспоминать тут сложно – очень много времени прошло.

Я помню, как позже рождалось братство – ведь община родилась ещё до возникновения братства. И жизнь сама рождала принципы, на которых можно вместе жить. Это было не что-то теоретически придуманное, а то, что появилось из жизни. Появлялся опыт, учитыва-

лись какие-то ошибки. Например, принцип постоянства: очень важно было, чтобы встречи наши были не спонтанными, чтобы они подчинялись внутреннему правилу.

Задолго до этого, ещё до общины, мы какими-то группами старались встречаться, читать Евангелие, что-то вместе делать. Это тоже родилось естественно: после литургии нельзя просто остаться одному, а надо обязательно собраться вместе и как бы воплотить то, что было дано нам на богослужении.

Вадим Серов (1997 г.)

Рождение общины для меня было очень органичным. Не то чтобы «передо мной встал вопрос, и я принял решение войти в общину». Наоборот, это как бы выросло: встречались-встречались, потом решили, что нужно двигаться вперёд и уже поставить какие-то более основательные условия общей жизни.

У нас было много разговоров, что такое общение и что такое община. Недостаточно считаться общиной, когда мы просто эпизодически встречаемся, друг друга знаем. Это больше обязательств, это ответственность друг перед другом и перед Богом. И вот к этим обязательствам не так просто быть готовым.

И когда община рождалась, это было некоторое обещание. В любом случае конкретный явный шаг. Ведь это не то, что вытекает по умолчанию из ощущения и признания себя общиной: «раз мы живём вместе – то мы и община». Раз мы решили общиной стать, то мы должны общиной быть. И хотя каждый человек свободен, это значит, что я буду стараться общине служить и не убегать при первых трудностях. Это как в браке: каждый волен развестись, но семья не для этого.

И это служение, возможность что-то делать для церкви, для людей, сразу очень ярко проявились: по воскресеньям мы проводили миссионерские встречи – «воскресники». На них собирались неверующие люди, и мы им рассказывали о вере, о Боге, о Церкви. Желавших было очень много, а собираться для этого тогда можно было только на квартирах (это позже, после 1989 года, такие встречи иногда проходили в больших залах Дворцов культуры). И иногда таких воскресников было по три в один воскресный день...

Елена Серова: Мне вспоминается то, что было ещё до рождения общины. Я крестилась 16 апреля 1981 года, крестил меня о. Дмитрий Смирнов, а готовил к крещению не-

Елена Серова (1995 г.)

сколько месяцев мой сын Вадим. В мае Вадима забрали в армию. Но я каждую субботу и каждое воскресенье стала ходить на службу. Мне очень не хотелось, но я думала: «А вдруг сыну напишут, что его мать ведёт христианскую жизнь кое-как» (с ним же все переписывались). И я стала себя заставлять, и втянулась, и потом это уже стало потребностью.

Храм Николы в Кузнецях был недалеко от Новокузнецкой, и после храма многие шли в блинную на Новокузнецкий рынок. Я тоже туда ходила и каждый раз видела, что друзья Вадима куда-то вместе уходят. В одно из воскресений они сказали мне: мы приглашаем тебя на день рождения. Это действительно был день рождения жены Влада Каховского – Ирины. Но это, конечно, была и агапа (хотя тогда я и не понимала, что это агапа). Отец Георгий только что приехал из Питера, где он учился в Академии, и очень многое рассказывал. Я ничего не понимала в этих разговорах, но когда шла домой, то чувствовала: не знаю, где я была – на небесах или на земле.

И ещё вспоминается, как мы ездили в Питер на литургию ап. Иакова в Академию. Архиепископ Кирилл (сейчас он патриарх) служил литургию, а батюшка у него иподьяконом был. После литургии владыка нас, москвичей, принимал и делал подарки. Эти подарки были бесцен-

ными: или молитвенник, за границей напечатанный, или акафистник – в то время, в 1980-е, это такая была драгоценность, просто немыслимая, ведь христианской литературы не было совсем.

Вскоре после того, как родилась община, батюшку определили служить дьяконом в Заозерье, под Павловым Посадом¹. А через полтора года его рукоположили в священники и он стал настоятелем храма в Электроуглях, и мы ездили каждое воскресенье к нему в храм на литургию. Детей у нас было – немерено, причём все – малышня. Но даже мысли не было, даже в голове не укладывалось, как это – не поехать. Около часа на электричке, потом надо было ещё ехать на автобусе... После литургии мы возвращались в Москву, и у нас было по три встречи каждое воскресенье: бывали встречи, посвященные тексту чтения, которое в этот день было на литургии, были молитвенные, а ещё были «воскресники»: мы приглашали наших неверующих друзей и рассказывали им о Боге и Церкви. Причём мы не заморачивались с едой (но что-то ели, конечно).

Встречи были по домам, за день мы переезжали из одного дома в другой несколько раз. И так это было радостно – жизнь, наполненная до краёв. Один из братьев, Николай, перешедший в православие из баптистов – он такой был горячий. Жил он на Кутузовской, а мы близко от него, в Давыдовке, и мы к нему часто ездили на встречи. Помню, Великим постом разбирали Минею, службы разбирали церковные. Очень много это дало. Ещё до рождения общины мы с ним вдвоём ездили в Псково-Печерский монастырь на престольный праздник, на Успение. И от этого праздника, и от поездки в Изборск после него у меня навсегда осталось очень яркое и сильное воспоминание. Это была какая-то весна православия, христианства.

Ещё вспоминается первый собор на Преображение 1990 года в

Электроуглях – это незабываемо... Этот город отвечает своему названию целиком и полностью – он такой советский, промышленный и ужасный. И мы шли по этому городу крестным ходом, первым о. Георгий, за ним – Александр Михайлович с первой Фросиной² иконой. Мы шли и пели церковные песнопения, пришли на поляну вблизи города с детьми, с палатками (мы там ночевали, потому что два дня шёл собор). Такая радость была! Очень много людей приехало, тех, кто раньше был с батюшкой.

Вспоминаются и храмы, которые братство помогло вернуть церкви в Москве в начале 1990-х. Я из этих четырёх храмов ходила в храм прп. Феодора Студита у Никитских ворот и больше всего его помню. Там был какой-то «Гипрожир», и отдали церкви этот храм только потому, что он с Суворовым связан – Суворов мальчиком там прислуживал, чтецом был. Отец Георгий попросил назначить туда настоятелем священника, которого хорошо знал по Данилову монастырю, о. Павла Вишневского. А храм был в таком ужаснейшем состоянии – в дверь нельзя было войти, мы входили через окно по доскам, земляной пол... И мы своими руками его постепенно восстанавливали.

У о. Павла отец был священник – о. Сергей, и несколько его братьев тоже священники. И однажды они все пришли на воскресную службу. Это такая была песня! Они все острословы, как скажут – хоть стой, хоть падай, лежать можно от смеха. Они все такие, и отец у них такой. Отец тогда предстоял на службе, а они все сослужили ему, и с такой любовью к отцу, так трогательно это было. А потом мы пошли в трапезную (трапезную мы тоже сами организовали), и трапеза с ними так запомнилась: было столько любви, и столько смеха и шуток. Чувствовалась их любовь и почтение к отцу.

В то время простота какая-то была во всей церковной жизни. Потому что только что, в советское

¹До этого дьякона Георгия Кочеткова служить не брали, т. к. он после изгнания (по требованию КГБ) из Ленинградской духовной академии был в «черных списках».

²Ефросиния-Лариса Галкина – художник и иконописец, член первой общины. Скончалась в 2013 году.

Наталья Чернышёва (1997 г.)

время, была пустыня, пустота (и потом она вокруг во многом так и оставалась), а тут вдруг начали храмы отдавать, и за встречи с чтением Евангелия, за воскресные школы с детьми перестали преследовать – и поэтому мы всё туда вкладывали, без этого жизни не было.

Наталья Чернышёва: Если думать о тридцати годах, то, конечно, первым возникает удивление, что это было так давно, хотя в памяти, наоборот, всё очень ясно до сих пор, и кажется, что было недавно. Мы так долго живём в общине, что сразу думаешь о возрасте, потому что это же целая жизнь – 30 лет! А до нее была ещё другая жизнь, тоже не короткая. И удивительно, что эта общинная, церковная жизнь не иссякает, не замыливается, что всё время происходит что-то новое, и всё это в одном потоке, который зародился тогда, 30 лет назад, очень ярко, очень мощно. Из этого начала возникло целое братство, содружество.

И ещё вспоминается радость открытия духовной жизни. Потому что раньше было только какое-то предчувствие, что она есть, и долгий поиск её в разных вариациях. Готовность родиться в общину возникла именно из-за восприятия и принятия всем сердцем этой новой жизни, ради неё мы готовы были отказаться от всего бывшего, и даже

без всякой мысли о том, что будет или как будет. Понимание реальной возможности гонений (это был ещё до-перестроечный советский период) совершенно никого не оставляло, и мысли об опасности, о неприятностях – они не мешали нашей решимости.

Это была такая любовь к Богу, друг к другу, что это было похоже на заключение брака. Мы без оглядки пошли за Христом вслед за батюшкой (который ещё не скоро стал батюшкой) туда, куда видели, что надо идти. Эта любовь воплощалась очень по-разному. Например, когда я входила в храм, то ещё не видя никого, уже чувствовала, здесь члены общины или их нет. Когда кто-то входил, я тут же оборачивалась, и мы встречались взглядом.

Потом, через несколько лет, эта «первая любовь» не ощущалась уже так ярко, но зато возникла какая-то стабильность, знание друг друга, опыт совместного труда, совместной жизни. Это было уже что-то другое, но тоже похожее на брак.

Ольга Таяновская: Удивительно, что прошло уже 30 лет. И первое, что приходит в голову, – это желание благодарить Бога за то, что я встретила о. Георгия, что смогла откликнуться на призыв к вере, общению и общине, изменивший жизнь кардинальным образом, так, что она стала другой жизнью.

Ещё вспоминается, что нам приходилось всё собирать по крупицам. Мы были из нецерковных семей – только у одного человека в той группе, из которой потом родилась община, родители были верующими. И нам приходилось всё время отвечать себе на вопросы: «А может православный христианин читать вот эту книжку?» «А как он может одеваться?» «А как воспитывать детей?» Составляли для себя список литературы; был и список для детей.

В течение, наверное, пятнадцати лет мы на квартире делали детские праздники. И каждый раз думали, что брать для театральной постановки: «А вот эту сказку можно? А эту – нельзя?» И потом доходили до

Ольга Таяновская (1996 г.)

того, что в классической культуре, по крайней мере, в классической литературе и живописи всегда есть христианские корни или по крайней мере то, что можно назвать вечным смыслом.

Я вижу, что сейчас у людей, которые приходят в уже сложившуюся церковную общность, некоторые вещи воспроизводятся как бы сами собой, и они даже не задают такие вопросы. Они могут спрашивать уже так: «А я хочу что-нибудь другое, почему мы выбираем это?» А нам приходилось всё как будто выискивать.

Это были постоянные открытия, которые мы делали вместе.

И ещё, конечно, вспоминается то, что нам очень повезло с людьми, которыми мы были окружены. Отец Всеволод Шпиллер, отец Виталий Боровой, отец Таврион (Батозский)...

Впервые к о. Тавриону я поехала одна. Я крестилась, и братья меня отправили в паломничество. Я была в Печорах, потом у о. Тавриона в пустыньке, была в Кижях и на Валааме. Но одной ездить очень тяжело, вот это я поняла.

Вместе всегда, конечно, легче. Не только в поездках, во всём. Но в чём-то и сложнее, потому что ты всё время должен и сам отвечать за то, что происходит с другими людьми... Но при этом ты знаешь: у тебя есть опора, всегда можно посоветоваться, и тебя поддержат. **КФ**

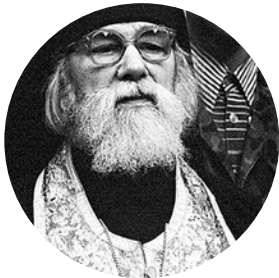
Братский помянник

3 февраля 1912 года*
скончался святитель
Николай Японский

Великий русский миссионер, благодаря усилиям которого в Японии появились православные христиане, а со временем – Японская православная церковь, святитель Николай считал необходимым создание братств, помогал в деятельности Камчатского миссионерского братства, а в 1909 году писал: «Прочитал книгу о русском замечательном филантропе Н.Н. Неплюеве, основателе “Трудового Братства” в Черниговской губернии, в котором состоит до 500 человек. <...> Даруй, Господи, побольше таких людей России!»

5 февраля 2006 года
в Псково-Печерском монастыре отошел ко Господу архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)

Он был горячим проповедником и утешителем, к которому за духовным

советом ездили многие. Один из учителей духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова, помогавший ему в подготовке к рукоположению.

9 февраля 2005 года
скончался протоиерей
Сергий Гаккель

Церковный деятель русской эмиграции, биограф и один из инициаторов канонизации матери Марии (Скобцовой) – преподобномученицы Марии Парижской.

10 февраля 1938 года
был расстрелян священномученик иеромонах
Владимир (Пищулин)

Первый его арест в 1928 году был связан с участием в ленинградском братстве Прп. Серафима Саровского (наиболее известный член братства – будущий академик Дмитрий Лихачёв). Про-

славлен в лике святых в 2000 году.

21 февраля 1979 года
скончался архимандрит
Серафим (Суторихин)

Член Александро-Невского братства, рукоположенный в 1931 году, он руководил кружком молодёжи в Тихвинском храме пос. Лесное, где был настоятелем до ареста в 1932 году. Был приговорён к лагерям на 5, а затем ещё на 10 лет. В 1943 году освобожден досрочно после увечья, полученного на лесоповале. С 1946 года служил в Самарканде по приглашению архим. Гуррия (Егорова). Собрал небольшую общину. К нему приезжали за укреплением в вере из самых разных мест. С 1962 по 1965 годы был отстранен от служения на 3 года, в это время служил тайно дома.

21 февраля 2004 года
скончался академик
Сергей Сергеевич Аверинцев

Филолог, библеист, автор лучшего современного перевода Евангелия и других библейских текстов, он был свидетелем веры в академической советской среде. Один из главных защитников и деятельных участников служения Преображенского братства.

28 февраля 2000 года
скончался архиепископ
Михаил (Мудьюгин)

В 1930 году 9 месяцев отсидел в тюрьме за ведение церковного кружка для детей и молодёжи. В 1966 году стал ректором Ленинградской духовной академии. Старался обновить и приблизить к жизни систему семинарского и академического образования, повысить общий культурный уровень студентов. Это показалось властям опасным, и он был снят с должности ректора и переведён в Астрахань, а потом в Вологду. Будучи епископом Вологодским, ввёл повсеместное чтение Священного писания на русском языке в храмах на богослужении. До самой кончины вёл просветительские беседы – даже для нескольких человек, собиравшихся в школе рядом с его домом. **КФ**

* Даты до 31 января 1918 года приводятся по старому стилю.

О дисциплине и свободе

Из работы Екатерины Недзельской «Старшинство в трудах Н.Н. Неплюева и практике Крестовоздвиженского православного Трудового Братства»

Фото из архива Марии Палащенко

Свое старшинство Николай Николаевич воспринимал как дар от Бога, дар служения. Дважды он пережил своё призвание на мистическом уровне: один раз в детстве, когда он испытал антипатию к слишком светским товарищам и пожалел их, ему был дан ответ на молитву: «Ты пожалел этих детей, тебе будет дано многих детей воспитать достоянием Божиим»¹. Позже, когда он испытал невыносимость придворной суеты, служа при посольстве в Мюнхене, он увидел сон, который открыл новое направление жизни и дал понимание нравственной ответственности «за предков перед детьми народа». Неплюев воспринял это как призвание стать ответственным наставником детей и решил посвятить исполнению этого призвания всю свою жизнь. Закончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, он оставил карьеру дипломата и поступил вольнослушателем в Петровскую земледельческую и лесную академию. Это было необходимо для того, чтобы организовать сельскохозяйственный труд в будущем трудовом братстве. Духовный опыт Неплюева непосредственно связан с ежедневным чтением Евангелия и горячим желанием осуществить его в жизни. Подобное соединение Евангелия с жизнью было движением, характерным для некоторых деятелей русской церкви последней трети XIX века. Так, епископ Таврический Михаил (Грибановский) в работе «Над Евангелием» (1896 г.) писал, что Россия должна «возделывать из себя почву, <...> чтобы произрастить роскошный цвет Христовой жизни»². Весьма интересно, что Николай Николаевич всю свою жизнь доверял пережитому откровению и его считал основой своего служения как дара, полученного не от людей, но от Бога. Он остался верен ему и тогда, когда ему было предложено рукоположение в священный сан.

Труды Неплюева дают возможность выделить те свойства церковного старшинства, которые он считал важнейшими и находящими отражение в опыте жизни Трудового братства:

Общее собрание в женской школе

- 1) стоять во главе движения к сознательной вере;
- 2) быть высшей совестью в собрании;
- 3) быть примером самоотверженного подвига, любовной заботливости, нежного братолюбия;
- 4) быть примером целожизненной ответственной жертвенности;
- 5) организовать отношения и труд на началах братолюбия;
- 6) охранять и оберегать братство от «чуждой закваски».

Остановимся на этом подробнее.

1. Неплюев отмечает, что для старшего принципиально важно быть примером для стада и стоять во главе движения к сознательной вере. Стараясь найти ответы на «тысячи вопросов», возникающих у народа на пути «отступничества от Бога живого», он видит выход в собирании организованного трудового братства, которое противопоставляет жажде весёлой, праздной жизни и наживе, а слепой вере и смиренной покорности противо-

¹ В работе цитируются издания: Неплюев Н.Н. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего собора. Путь веры. М.: Культурно-просветительский центр «Преображение», 2009; Избранные сочинения Н.Н. Неплюева. Книга 1; Неплюев Н.Н. Беседы о Трудовом братстве. Частное ответное письмо священнику Иванову; Неплюев Н.Н. Отчеты блюстителя о жизни Трудового братства. Часть 1. М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр

«Преображение», 2011.

² Михаил (Грибановский), еп. Над Евангелием. СПб.: Сатисъ, 1994.

³ Старшина – глава братской семьи-общины, избирался членами общины и утверждался Братской Думой. Старшина решал все вопросы общей жизни, направляя свои усилия на духовное возрастание каждого члена общины в отдельности и всей братской семьи в целом. (См.: Избранные сочинения Н.Н. Неплюева. Книга 1. С. 250.)

Педагогический Совет Воздвиженской школы.
Верхний ряд: И.С. Дикой, С.Н. Клюев, В.И. Иванов, А.И. Ивченко, И.О. Кулиш,
А.Н. Клюев, Н.Н. Неплюев, О.Е. Спановский-Чвертка, П.П. Дорофеев

поставляет движение к сознательной вере. Во главе этого движения могут стать только пастыри и духовно старшие.

Для Неплюева церковное старшинство связано с сознательным отношением к вере. Кто принимает на себя и несет крест братства, тот может быть назван сознательным богоносцем. «Кто желает быть в руке Божьей, ...кто берет на себя крест братства», тот и действительно старший в церкви. Потому старший в братстве, например, старшина братской семьи³, берёт ответственность за общее направление, за дух жизни всей семьи и каждого её члена в отдельности, направляя свои усилия на духовное возрастание каждого и всей семьи в целом.

Движение к сознательной вере обусловлено иерархией ценностей. Николай Неплюев первенствующее значение отдаёт практическому применению христианских добродетелей: великодушию, кротости, смирению, любви, братолюбию.

2. Николай Неплюев утверждает, что совесть у всех одна – христианская, хотя и разная по степени. Как учредитель и блюститель братства он не решает даже подумать о том, чтобы признать совесть членов братства ниже по сравнению с его совестью, и осознает, что «кто из членов Братства имеет высшую совесть – знает один Бог-Сердцеведец». Это свойство старшего – быть высшей совестью – определяется не формальным положением или

назначением, не надевается, «как мундир при вступлении в должность», оно имеет прямую и тесную зависимость «от степени любви к Богу и ближним», к делу братства: большая любовь порождает высшую совесть.

Признаками высшей совести Неплюев считал отсутствие гордости и грубых требований, а также пример личного поведения и личных отношений ко всем в том, «чего требует братская совесть, и в тем большем размере, чем совесть их является действительно совестью высшей».

3. Особое значение в служении старших, по мнению Николая Николаевича, имеет «добрый пример самоотверженного подвига», а не внешний авторитет. Неплюев обращается к образу пастыря, который, как «духовный светоч», идёт впереди, показывая стаду пример. Любовь старшего не должна извращаться до властолюбия и грубой требовательности, не может быть деспотичной, а руководство не должно быть покушением на духовную свободу личности, «стеснение самодеятельности», «свободного почина в добре». Только являя достойный пример подвига в личной жизни, можно стать настоящим пастырем.

4. Ещё одним важным свойством старшего блюстителя братства считает целожизненную ответственную жертвенность, которая раскрывается как возможность пожертвовать собой и своим. Сам Неплюев отказался от

⁴ В 1901 году Неплюев передал в дар Братству имущество: землю, лесное хозяйство, парк, постройки и заводы.

⁵ Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/homakov/tom1/12>.

светской карьеры и всё своё немалое имение пожертвовал на дело братства⁴, а его матушка и сёстры «ушли от блеска утончённости и разнообразия увеселений той сферы, к которой принадлежали по рождению». Здесь Николай Николаевич проявляет себя и как последователь А.С. Хомякова, который призывал построить жизнь народа на основе просвещения. В письме к сербам Хомяков писал: «Пусть богатый употребляет лишки своего богатства на помощь бедным (разумеется, не поощряя туеядства) или на дело общей пользы и общего просвещения»⁵. Неплюев считает своей обязанностью как христианина и богатого помещика положить все умственные, нравственные и материальные силы на дело честного согласования жизни с верой. Эта жертвенность связана с постоянным усилием и систематической деятельностью в направлении организации жизни на братских началах и невозможна из рутинного понимания благотворительности или, как пишет Неплюев, «бессистемной благотворительности»⁶.

Правило пожизненного избрания блюстителя и невозможность совмещать эту должность ни с какой другой, как в самом братстве, так и за его пределами, напрямую связано с жертвенностью старшего – посвящая всю свою жизнь делу устройства братства, старший не мог заниматься ничем другим. В отношении других старших в братстве (например, старшин) не было требования целожизненной жертвенности (поскольку они могли переизбираться), но без жертвенности их служение также не могло осуществляться в полной мере.

5. Рутине жизни в обществе и «анархической общине» в церкви Николай Неплюев противопоставляет стройную организацию жизни, труда и отношений на основе братолюбия или «организованное добро». Именно в этом он видит общее между Трудовым братством и апостольскими общинами. Для реализации этого принципа Неплюев предлагает выполнить два условия: первое для образованного христианина – уразуметь святое учение Христа и других научить (2 Тим 2:1–2); а второе для богатого христианина, обладающего достаточными материальными средствами, – разумно организовать строй жизни по

вере для тех, кого воспитал в сознательной вере, чтобы избавиться от сознания эгоистического благополучия и корыстных отношений. Сам Неплюев дело организации добра в жизни считает принятием и несением креста во след Христу, «чтобы тем послужить на дело Божье».

Исследователь трудов Неплюева Н.В. Сомин отмечает, что идея братства была идеей «кооперативного, артельного характера на основе апостольской общины», а «дисциплину любви» он называет «фундаментальным принципом человеческого общежития»⁷.

Неплюев считает, что «дисциплина любви» невозможна без духовной свободы постоянно оставаться верным любви, хотя бы и самые авторитетные люди приказывали изменить ей». Если человек не дорос до дисциплины любви, ему нельзя давать свободу, иначе свобода будет способствовать злу, а не добру⁸. И наоборот, человеку, обретшему дисциплину любви, необходима свобода, ибо только в ней он может реализовать весь могущественный потенциал любви.

6. Сам Неплюев ревностно ограждал братство от вредной «саддукейской, фарисейской и манихейской»¹⁰ закваски. Эти «охранительные» качества прописаны в Уставе в отношении всех старших братства. Неплюев предостерегает братчиков, чтобы они не были уловлены «самозванными ревнителями “правоверия”», которые говорят от имени церкви, но ею не уполномочены, которые требуют слепой покорности им, полного отречения от здравого смысла и элементарной христианской свободы. Он выстраивает неформальную иерархию авторитетов: сначала единый авторитет церкви – Христос, а все остальные «настолько авторитеты, насколько согласны с духом и истиной духовного Христа».

Проявление всех перечисленных свойств в их сочетании Неплюев понимал как собрание со Христом и во Христе. По его убеждению тот, кто желает быть в руке Божьей, кто берет на себя крест братства, кто созидает на основе «добровольной дисциплины» любви, тот действительно собирает со Христом, а значит, и является подлинно старшим. **КФ**

⁶ «Из рутинного понимания благотворительности не только не вытекает систематическая деятельность в направлении организации жизни на братских началах, но даже деятельность эта становится невозможной: труды, нравственные силы и все материальные средства уходят без остатка в пучину моря житейского». «Повинно в том Русское дворянство, горделиво называя себя передовым сословием, совсем не радея о том, чтобы быть передовыми богоносцами... Повинны и те из дворян, которые сохранив родовые поместья, не смотрели на своё богатство как на священный талант, полученный ими от Бога... даже и те, которые растрачивали этот талант на бессистемную благотворительность, не организующую жизнь на добрых началах, обманывая представителей рутины жизни, внушая им убеждение в праве бедных требовать денежных подачек от богатых, мирясь со строем жизни, основанным на корыстной борьбе, а не на христианском милосердии» (Неплюев Н.Н. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего собора. Путь веры. С. 22.)

⁷ Сомин Н.В. Кресто-Воздвиженское Трудовое Братство и его основатель Н.Н. Неплюев. Режим доступа: http://chri-soc.narod.ru/nepluev_m.htm (дата обращения: 04.02.2017).

⁸ См. Сомин Н.В. Дисциплина любви. К 100-летию со дня смерти Н.Н. Неплюева. Режим доступа: http://chri-soc.narod.ru/disciplina_lubvi.htm (дата обращения: 12.09.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ Фарисейская закваска в уверенности в «спасительности буквы догмата и обряда... перенесение центра тяжести в деле веры с животворящего духа любви на букву», саддукейская закваска в том, что «религию хотят сделать средством достижения земных целей», для манихейской закваски характерно «презрение к человеческой природе и жизни земной». (См. подробнее: Неплюев Н.Н. Беседы о Трудовом братстве. Частное ответное письмо священнику Иванову. С. 115–124.)

В поисках причин Русской Катастрофы нужно вернуться ко времени Золотой орды

Мы продолжаем публиковать интервью с участниками конференции «Духовные итоги революции в России: коллективный человек и трагедия личности»

Беседовали Александр Колымагина, Анастасия Наконечная

В настоящее время нет не то что целостной концепции того, что происходило 100 лет назад, но даже никаких набросков, никакого приближения, никакого согласия насчет картины произошедшего. Как Вам кажется, какие первоочередные усилия для осмысления прошедшего столетия необходимо сделать?

А.А. Левандовский, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М.В. Ломоносова: Больше читать, больше думать, больше таких конференций, как эта. Чем меня эта конференция привлекла – постановкой проблемы: эпоха и личность. Потому что обычно у нас эпоха личность поглощает полностью. И в дореволюционной историографии так было, и в советской. А познавать время, помоему, нужно через отдельных людей.

Я должен сказать, что насколько я могу судить, у студентов в последние 2–3–4 года просыпается интерес к теме событий 1917 года. В 1990-е годы тема революционного движения, революция вызывала отвращение. Сейчас она вызывает всё больший интерес. Ребята хотят разобраться. Есть увлекающиеся, есть настроенные отрицательно, но те и другие пытаются понять, как это происходило, и что из всего этого получилось.

Я преподаю русскую историю XIX века, но ведь там проблемы те же. Скажем, революционный народ. Ненавистников этого явления я не знаю, но есть те, кому это неинтересно, а есть те, кого это чрезвычайно интересует по разным причинам. Но прежде всего молодых людей сейчас начинает

привлекать социализм – именно тем, что его относительно долго не было, и все забыли, как это было, *что* во имя этого было загублено.

Если вернуться к XIX веку: как Вам кажется, были ли там «точки бифуркации», те повороты, где всё могло пойти по-другому, и Русской Катастрофы не случилось бы? Гибель Александра II, незавершённость Великих реформ?

Говорить о том, «что было бы, если бы», нашему брату-историку совсем не годится. Можно в такие дебри забрести...

Но я в своё время специально над этим размышлял, правда, очень давно, ещё в юности, и пришёл к выводу, что надо отойти ко времени татаро-монголов. Возможно, до них были какие-то варианты, а после этого, я думаю, такие события, как убийство Александра II, ничего уже не меняли. Невозможно проводить конституционные реформы с револювером, приставленным к виску, насилием этого не вырвешь, это должно произойти как-то иначе. А как? Вот чуть раньше, при Александре I, у Сперанского был прекрасный план – но поддержки абсолютно никакой. И когда на императора стали давить, он Сперанским просто пожертвовал: он всегда сдавал своих сотрудников. А потом появились декабристы. Появись они немножко пораньше, может быть, какие-то шансы и были бы. Знаете, как был задуман «Союз спасения»? Как тайное общество в поддержку Государя Императора. Но выяснилось, что Государь Император резко изменился, приходится брать ответственность на себя. И всё время возникали такого рода «нестыковки».

История вариантов не знает, как получилось, так и получилось. Надо просто задуматься, почему получилось именно так и что из этого следует. Вот главная задача.

Пока получается, что все думают очень по-разному. Я как журналист постоянно сталкиваюсь с тем, что в информационном поле часто превалируют штампы советского времени или противоположные, и всё это разгрести невозможно.

Здесь желательна профессиональная точка зрения, хорошая база.

Разбираться, разбираться надо. Это трудно. Архивы надо смотреть, газеты того времени. Сравнить одно с другим, искать, анализировать. А у нас, к сожалению, эмоции сплошь и рядом преобладают над фактическим материалом, он «пускается под нож». Удивительные вещи говорятся и пишутся, настолько странные и необоснованные, что просто не знаешь, откуда что берется – очевидно, «с потолка». На первый план выходит гламур, пиар, разные акции, яркие образы, штампы. А нужна серьёзная работа. **КФ**

Перед угрозой нового догматизма

Иногда (в частности, в Вашем докладе) встречается противопоставление homo soveticus и homo antisoveticus. не помешает ли такая формулировка диалогу с людьми противоположных позиций?

И.В. Петров, кандидат исторических наук, ассистент кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ: Мне кажется, проблема диалога связана не только с теми или иными формами и формулировками. Мои студенческие годы на историческом факультете СПбГУ в конце 2000-х прошли среди людей разных взглядов. И на первом, втором, третьем курсе между ними существовала какая-то дискуссия. Тем, кто сейчас стоит на радикально левых позициях, была тогда интересна, скажем, история церкви в плане действий патриарха Тихона. Когда они вдруг понимали, что он не придерживался резко антисоветской линии, для них это было каким-то новым восприятием церкви. Но после 2011–2012 года всё изменилось. Сейчас я смотрю на этих людей: у них в голове всё сложилось, всё решено. Для них есть абсолютное зло: это Российская империя и, допустим, церковь в своём современном состоянии; есть некие абсолютные силы добра, под которыми они понимают 1917 год, Ленина. И если года 3–4 назад я бы сказал, что диалог с ними, конечно, возможен и нужен, то сейчас какая-то попытка слышать друг друга или невозможна, или очень сложна. Они говорят, что Советский Союз для них не идеальное государственное устройство и не какой-то фетиш, но это лучше, чем то, что есть сейчас и тем более чем то, что было во времена Российской империи. И отрицательное восприятие церкви в свете 1917 года у них чёткое, сложившееся.

Это какая-то новая форма советскости, новая форма «совка» среди молодого поколения, которое не слышит, не понимает и не будет ничего, как мне кажется, ни в какой форме воспринимать...

Я скорее имела в виду ту часть пожилых людей, которые воспринимают резко поставленную «совку» границу как презрение по отношению к ним лично. Но эти люди действительно сейчас уходят со сцены...

Да, этого я вижу меньше, и сейчас появляется новое, в какой-то степени гораздо более опасное отношение к советскому прошлому. Оно в чём-то созвучно с фанатизмом столетней давности, то есть эти люди не конъюнктурно верят в какие-то экстремистские идеи, а действительно этим живут. (По оценке автора, в таком городе, как Санкт-Петербург последователей этого течения несколько тысяч. – *Ред.*)

Мы находимся в ситуации появления студенческих кружков, подобных тем, что были распространены во времена народничества, когда марксистами и анархистами становились выходцы из богатых семей. То есть даже знания о своём роде, пострадавшем во время репрессий, очень часто не являются прививкой от каких-то радикальных идей, от советизма. Я могу назвать среди таких людей и выходцев из верующих семей. На мой взгляд, это происходит потому, что уже выросло поколение, которое никогда не видело Советского Союза, даже в самом позднем варианте, и даже вал обличительной литературы 1990-х для них уже тоже как бы в прошлом...

А есть ли для них какое-то различие между феноменом большевизма, который во многом всё-таки представлял собой спекулятивное течение, направленное прежде всего на захват и удержание власти, и, скажем, умеренными социал-демократами?

Большинство из них во всяком случае не сталинistas: кто-то – поклонники Ленина, кто-то из них называет себя троцкистами.

Но Троцкий не лучше Ленина, и оба не лучше Сталина...

Я хотел сказать, что это не последователи меньшевиков и уж тем более легальных марксистов. Для них тот же Пётр Бернгардович Струве – это человек, который, как они сами говорят, если не продался, то всё же объединился с «буржуазными» партиями и организациями. Да, они могут уважать Плеханова, который под конец своей жизни убеждения поменял и большевизм не принял после установления диктатуры, или какие-то эсеровские организации... Но для большинства из них «тотемные фигуры» – это такие люди, как Ленин и Троцкий.

Они не считают, что, допустим, СССР образца брежневской эпохи – это и есть воплощённая социалистическая идея.

А какой советский период они считают образцовым?

Безусловно, ленинское строительство и борьбу.

Они воспринимают себя как наследников тех, кто и в советское (особенно в позднесоветское) время находился в определённой оппозиции к существовавшему строю.

Во многом это ещё и протест, и миф о том, что «антисоветская история» была придумана и навязана нам в 1993 году.

Как бы то ни было, это среда, которая уже всё для себя решила и которая не поддерживается до конца государством. Сложно понять, какую роль она будет играть через определённое время, условно говоря, через 5–10 лет. И одна из самых больших опасностей – то, что с ними бесполезно говорить... **КФ**

Они растут среди «фигур умолчания» и портретов Сталина в сувенирных ларьках

Интервью с режиссёром Дарьей Виолиной

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Встреча с подростками после просмотра фильма в Культурно-просветительском центре «Преображение»

Некоторые университетские преподаватели говорят, что в последние несколько лет значительная часть молодёжи очарована идеалами социализма, возникают кружки, объединённые этим увлечением...

Что там говорить про молодёжь в нашей стране – идеями социализма очарована Европа. Германия-то уж точно на пороге абсолютного социализма. Простите за такие низ-

кие бытовые примеры, но пособие по безработице там так велико, что почти никто не хочет работать: **не** работать гораздо выгоднее.

Про идеи социализма ничего не могу сказать, я не историк и тем более не экономист. И то, что меня печалит в нашей молодёжи, – это не социалистические кружки (я, честно говоря, даже не слышала о них), а просто глубокая, какая-то безнадежная неосведомлённость молодых людей об истории собственной Родины. У меня сын студент, дочка школьница, поэтому я хорошо

знакома с учебниками, по которым сегодня в центре Москвы обучаются дети в приличных учебных заведениях. Если мы ограничим их знания только тем, что написано в учебниках, вырастет абсолютно тёмное поколение, заодно и безграмотное.

Очень многое зависит от личности учителя.

Безусловно. И от семьи! Я склонна предполагать, что как минимум последние 100 лет основные нравственные законы и образование можно и нужно было закладывать сначала в семье. Замечательно, если тебе потом попадётся прекрасный педагог, который расширит твой кругозор, сформирует правильные взгляды. Но уповать на это не стоит, потому что – откуда бы взяться этим педагогам? Их совсем немного, хотя, наверное, покажется, что и немало, если они соберутся здесь, в центре «Преображение», и ещё на паре конференций. Я хорошо это знаю по своим фильмам, потому что нас приглашают в школы и университеты. Педагоги, стремящиеся действительно честно рассказать детям историю, – это очень тонкая прослойка в масштабах страны, поверьте. Конечно, если детям повезло с таким учителем, то им покажут фильм, им всё расскажут, найдут авторов книги или фильма, захотят, чтобы дети с ними встретились, задали вопросы, написали об этом сочинение. Я не к тому, что если этих людей сегодня мало, то этого

Сергей Павловский, Валентин Муравский, Тамара Петкевич и Дарья Виолина на премьере фильма «Дольше жизни»

На Молитве памяти на Б. Пироговской улице (Москва). 30 октября 2017 года

не надо делать – я думаю, что всё равно обязательно надо.

Это лишний раз подтверждает, что Вы не случайно подписали обращение Акции национального покаяния «Имеющие надежду».

Я не только подписала обращение, но и ратовала за то, чтобы в названии акции сохранились слова о надежде. Мы просто обязаны её иметь. Я бужу её в себе всеми силами и призываю людей вокруг себя тоже её не лишаться. Не буду сейчас апеллировать к библейским ценностям, но я верю в теорию малых дел, в то, что каждая книга, каждая конференция, каждое записанное свидетельство не проходит бесследно. Я бесконечно езжу по большим и малым городам с показом фильмов, особенно если известно, что там будут студенты, школьники, молодёжь. Конечно, в масштабах страны это капля в море, но я тешу себя надеждой, что если после просмотра фильма двое-трое или даже один человек в зале узнает что-то новое об истории своей страны или просто испытает сострадание к людям, с биографиями которых он познакомился, то дело этим не закончится. И тогда он вдруг о чём-то

задумается, прочитает книгу Чингиза Айтматова или Тамары Петкевич, о которых мы рассказывали в фильме, или вдруг решит расспросить бабушку и дедушку о том, как они жили. Видя молодые лица в зале, я всегда отчаянно призываю прийти домой и что-то подлинное про свою семью узнать, чтобы жить не только «светлым будущим». Помните, у Михаила Жванецкого: «тёмное прошлое в сочетании со светлым будущим обеспечивает нам серое настоящее». Я сама очень обращена в прошлое и своих детей так воспитываю. Надеюсь, что мне удалось добиться хотя бы первых результатов. Во всяком случае, своего сына я шесть лет назад, двенадцатилетним мальчиком, привела к Соловецкому камню, и он каждый год стоит в этих очередях... Когда-то они были покороче, а сейчас всё длиннее. В этом году он привёл туда своих друзей, и они простояли под дождём и ветром 4 часа 45 минут для того, чтобы прочитать одно имя. И на следующий день, 30-го октября он участвовал в Молитве памяти и опять привёл своих друзей. В этом году моя семилетняя дочь, которую прежде я не рисковала брать с собой в эти дни, два с половиной часа простояла с нами на Молитве памяти

на Большой Пироговке и искренне прониклась всем происходящим. Она промокла под дождём до нитки, но я очень рада, что она там была, прочитала имена и рассказала в микрофон о своей прабабушке, которая была узницей АЛЖИРа*. Она смотрела фильм «Дольше жизни», страшно сказать, раз пятьдесят. Я часто беру её с собой на показы, и каждый раз она смотрит его от начала до конца. Надеюсь, что она не захочет возвращения этого режима, когда вырастет. Думаю, что ощущение внутренней свободы, по крайней мере, отчетливые убеждения и понимание того, что хорошо, а что плохо, останется с ней, несмотря на то, что растёт она среди фигур умолчания и портретов Сталина, которые красуются в сувенирных ларьках. Лично она будет знать правду и, может быть, расскажет её кому-нибудь из своих друзей. Я думаю, что «имеющие надежду» – это те, кто считает нужным своим детям, своим ближним или узкому кругу читателей, узкому кругу зрителей, студентов – кому-то об этом рассказать. Смею надеяться, что эти семена, разбросанные по бетону, когда-то попадут в щёлки между плитами, и где-то будет пробиваться трава. Иначе всё просто не имеет смысла... **КФ**

* Акмолинский лагерь жён изменников Родины (АЛЖИР) – сокращенное название 46-й трудовой точки лагерного специального отделения Карагандинского исправительно-

трудового лагеря (ИТЛ) в Акмолинской области, Казахстан. Открыт в 1938-м, закрыт в 1953 году. Крупнейший советский женский лагерь для политзаключённых.

Церковь и вера – это область смысла и красоты

Вторая часть круглого стола «Опыт и проблемы взаимодействия Церкви и культуры сегодня. Перспективы диалога», прошедшего в дни фестиваля «Преображенские встречи»¹

Игорь Ветров, артист театра и кино, режиссёр, театральный педагог, доцент ГИТИСа: Для того чтобы население как-то самообразовалось, приняло Господа, приняло эту жизнь такой, какая она есть, со всеми проблемами, радостями и печалью, трагедиями, нужно время. Точно так же, как мне для моего личного покаяния нужно было время. И когда мне говорили, что я должен покаяться, я не воспринимал это: «Мне каяться не в чем, потому что все так делают, все так поступают, чем я хуже других? И есть люди, которые ещё хуже поступают, а у меня такой маленький грех...»

В этом проблема. Пока не будет покаяния, мы не будем понимать друг друга. А покаяние необходимо не только людям культуры, но необходимо и людям из храма, потому что мы все оказались в такой ситуации. 1917 год – это как вихрь, как ураган, кораблекрушение, которое постигло и культуру, и церковь. Его сделали мы. Не кто-то, кто приехал в вагоне².

Это сложно. Ну, приехал кто-то в вагоне, а кто-то приехал из Америки на яхте. Мы знаем этих людей. Они все потом получили своё, я так думаю. Но ведь в этом участвовали, – не я лично, но, наверное, мои родственники, предки. Хочешь – не хочешь.

Моя бабушка была атеистка. Как она себя называла – православная атеистка. Такая путаница была. Она работала в гардеробе Совета министров Азербайджанской ССР. Там были интеллигентнейшие люди. Они говорили на чистом русском языке. Обрусевшие азербайджанцы, евреи – они были интеллигентные, культурные люди. И кто-то из них ходил в храм, но этот храм они же и взорвали. И бабушке осталась только мечеть. И поскольку она считала себя православной, она всё время мне говорила: «Игорёк, Игорёк, надо обязательно быть культурным человеком». То есть меня они с мамой отдали сначала на балет, в хореографию. Потом я сам уже пошёл в театр. И вот я это всё помню и рассуждаю: как же так оказалось? Ведь и бабушка тоже виновата в этом, наверное? А значит, через неё и я. Так кто, кроме меня, может покаяться? Она уже не может, её уже нет. Значит, я должен за неё – если я смогу это сделать. А я ещё не готов. Я ещё недостаточно понимаю эту проблему.

Я думаю, что путь к сближению церкви и культуры (той, которую мы называем светской или ещё какой-то) лежит всё-таки через обоюдное покаяние и принятие друг друга. Только тогда мы найдём общий язык. А сейчас некая истерика возбуждает каких-то нездоровых, сумасшедших людей. И они получают право голоса как с той, так и с другой стороны. И остальные стоят разинув рот и смотрят, как мимо пролетают в одну и в другую сторону ядерные боеголовки, которые за собой оставляют выжжен-

ное поле. То самое, которое было до этого.

И ещё немножко хочу сказать про Сталина. Почему? Потому что я к этому имел отношение. Не к Сталину лично. Просто я снимал фильм на Первом канале «Заговор маршала» о Тухачевском и Сталине. Это была моя первая режиссёрская работа, мне её дали не знаю почему. И мне очень сложно было после того, как я был артистом, почувствовать себя режиссёром, командовать. Я думал: «Как же я про Сталина буду снимать, Господи? Это же сложно!» Но мне помогло то, что у меня был консультант и автор сценария очень грамотный. Это был Алексей Волин, если знаете, бывший пресс-секретарь Бориса Николаевича Ельцина. У него был доступ к архивам. И он там копался (меня туда не пускали) и приносил иногда интересные материалы. Там была одна сцена, очень интересная, когда Сталин намекает Тухачевскому, что тот Иуда, предатель. А поскольку Сталин – бывший семинарист, он владел всей этой мистериальной стороной богослужения, т. е. он знал это всё. У него была традиция собирать своих «апостолов» за столом. Они разламывали хлеб и передавали. Это была такая у него «агапа» – в кавычках. Вот что делал этот человек, понимаете, да?

И мне тогда всё стало понятно. Понятно, почему церковь оказалась вдруг в таком положении, и что с ней произошло. Мне страшно было! Мы сняли эту сцену. Она как-то получилась, как-то не получилась. Я не великий режиссёр, я не всегда могу довести задуманное до ума, и времени

¹ Первая часть круглого стола была опубликована в «Кифе» №14(232), декабрь 2017 года.

² Ленин с группой социалистов приехал в Россию через Германию впломбированном вагоне в апреле 1917 г. – Прим. ред.

на съёмку тогда было мало. Но я понял, что такое была эта сила, которая обрушила нас сто лет назад.

Олег Девуцкий, проректор по научной работе Воронежского государственного института искусств, зав. кафедрой хорового дирижирования, доцент, кандидат искусствоведения: Я тоже являю опыт сочетания в самом себе музыканта, руководителя хоровой кафедры и в то же время человека верующего, члена Тихоновского братства. Вижу, что в моем случае проблему диалога церкви и культуры можно наблюдать уже в самом себе, в своей голове. Я осознаю это разделение: когда приходишь в храм, то эстетическое сознание требует своего, и мне как музыканту хочется слышать красивое пение. Причем не просто красивое, а ещё изощрённое, сложное, чтобы исполнялись сочинения «высокого полёта» с точки зрения и эстетики, и композиторской техники. С другой стороны, как верующему человеку мне хочется совсем другого: в общем-то, хор часто мешает молиться, быть сосредоточенным на таинственной стороне службы, причем нередко мешает не только плохое пение, но и хорошее. Кроме того, я себя ловлю на мысли, что не всегда иду в храм, чтобы помолиться и поучаствовать в таинствах, причаститься, а иногда иду просто, чтобы попеть. Так бывает, если какой-нибудь хороший хор приглашает поучаствовать в их службе; тогда хочется блеснуть голосом, спеть что-нибудь очень сложное, недоступное «простым смертным». То есть проблема диалога Церкви и культуры может быть не только между разными людьми, но даже в пределах одного сознания. Думаю, здесь в большой

степени может помочь образование, просвещение, научение.

Например, у меня был замечательный опыт участия в проекте «Летняя школа православного пения» (СПб), где около ста человек из России и других стран целый месяц изучали древние распевы, различные традиции (знаменное пение, византийское, грузинское, сербское). Причём это были не просто лекции, но и практика, концерты, совместное богослужение в храмах.

Почти все участники были верующими: регенты, руководители хоров, певчие, преподаватели семинарии, монахи – было даже совместное причастие, в котором участвовала большая часть учеников. И вот после этого научения, на совместной литургии на о. Валаам, где сослужили несколько хоров из разных стран, я впервые почувствовал единство эстетического и церковного. Особенно потряс меня хор монахов с Афона, которые пели «Херувимскую» десять минут одногласным византийским распевом. Раньше я, как музыкант, ни за что бы не впечатлился: какое-то примитивное одногласие, да так долго и занудно, без соблюдения законов музыкальной композиции и драматургии. Но после такого месячного научения и погружения в традицию это стало и духовным, и эстетическим потрясением.

А теперь хотелось бы сказать о тех способах взаимодействия, которые сейчас можно увидеть у церкви и культуры. Я вижу, что диалог – по крайней мере, у нас в Воронеже, – идёт, происходит достаточно много событий. Правда, здесь бывает затруднительно сказать, кто именно выступает в совместных проектах от лица церкви, а кто от лица культуры. Чаще всего это бывает областное или городское управление культуры, т. е. чиновники, и какой-либо епархиальный отдел, скажем, отдел по культуре – т. е. фактически тоже чиновники (причём им там иногда приходится выполнять ещё больше бюрократических формальностей, чем в государственных структурах). В результате получают всякие

странные проекты типа ежегодного празднования Дня славянской письменности: сначала там исполнялись духовные сочинения, участвовали церковные хоры, даже место проведения было у стен кафедрального собора. В последнее же время там стала преобладать уже менее церковная, а более массовая музыка, вплоть до песен из советских кинофильмов (причём по единому для всей страны утверждённому в Москве сценарию). Иногда можно наблюдать непонятные для нормального человека творческие проекты, типа хора Сретенского монастыря. Нам кажется, что в таком хоре должны петь серьезную духовную музыку монахи, а получилось так, что под названием «Хор Сретенского монастыря» выступает коллектив светских, возможно, вообще нецерковных певцов с хорошими сольными голосами, репертуар которых отошёл от духовного пения в сторону развлекательности: народных песен и популярной музыки в современной аранжировке.

Другой показательный пример: у нас в Воронеже был такой мужской хор с громким названием «Православная Русь». В 1990-е годы он выполнил очень важную миссию – начал одним из первых в городе исполнять на концертной сцене духовную музыку. Тогда это было в новинку, никто этой музыки не знал, все восторгались, хотя пел хор что-то достаточно простое, вплоть до пения на гласы. Причём работал этот хор практически на голом энтузиазме, деньги получал только иногда, на зарубежных гастролях. Потом этот коллектив стал всё более профессионализироваться, вошёл в филармоническую систему и, в конце концов, утратил название «Православная Русь». Теперь он называется просто «Мужской хор Воронежской филармонии». В сущности, этот коллектив пошел по пути хора Сретенского монастыря. В основном они теперь поют даже не духовную музыку, а классическую светскую, народную, популярную, и это понятно, потому что им надо выполнять филармонический концертный план.

Ещё один воронежский пример – мужской хор с не менее ярким названием «Символ веры». Это отличный хор, который пел много духовной музыки, а также был митрополичьим хором при кафедральном соборе. Так вот, теперь этот хор ушёл под крыло к другой концертной организации («Воронежский концертный зал»), получил новое название – «Русский формат», и также получил новый концертный план, опирающийся не только на классику, но и на развлекательную музыку. Кстати, был с этим хором (когда он ещё назывался «Символ веры») необычный, даже довольно дикий случай, когда он, видимо, с миссионерскими целями, решил выступить в ночном клубе. Они там пели и духовную музыку, и народную, и ещё что-то современное популярное, наверное, чтобы показать: «Вот, смотрите, возможно и такое сочетание серьёзного и развлекательного». Правда, надо сказать, это была инициатива, видимо, снизу, и потом митрополит разбирал этот случай, были какие-то последствия, но я подробностей не знаю, за этим не следил.

С другой стороны, бывают весьма неплохие проекты. Например, у нас в кафедральном соборе были концерты духовной музыки, т. е. не богослужение, а именно концерты. Там, например, спели «Всенощное бдение» Рахманинова, другие сочинения, проходили рождественские фестивали. Прямо в храм занесли стулья, люди сидели как на концерте, их было огромное количество, многие стояли, в том числе наверху, на хорах. Присутствовали митрополит и духовенство. И это прозвучало очень вдохновенно, само то, что духовная музыка исполнялась не на сцене, а в храме, в окружении икон, создало неповторимую атмосферу, как-то сразу вырос «градус ответственности» (я там принимал участие в составе хора). У всех присутствующих, по-моему, было замечательное впечатление, единственное, владыка немного возмутился, когда люди в конце начали бурно аплодировать. Говорил: «Аплодисменты – это есть в

традиции церкви, в Библии есть слова “восплещите руками”. Но вот кричать “браво”, как в театре, это, считаю, уже недопустимо!»

Ещё один виденный мною плодотворный вариант сотрудничества – это когда, наоборот, на светском концерте (с исполнением духовной музыки) присутствует священник, который даёт какие-то разъяснения по духовному смыслу исполняемого. И это было очень важное миссионерское дело, которое помогло публике нравственно поучаствовать в слушании, потому что это был не конференс, а именно батюшка – к нему уже есть некоторое доверие. Думаю, что это – замечательный опыт, который требует распространения, нашлись бы только достаточно хорошо говорящие священники, способные хорошо выполнять такую миссию.

В завершение своей речи соглашусь с уже прозвучавшей здесь мыслью по поводу взаимодействия культуры и церкви. Считаю, что в культуре не должно быть бездуховности, а в церкви не должно быть бескультурия.

Прот. Александр Лаврин, клирик храма иконы Божьей Матери «Живоносный источник» в Царицыно, в прошлом – научный сотрудник Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева: Я согласен со всем, что услышал, и радуюсь, насколько много точных и верных нюансов подмечено всеми, кто сейчас выступал, и даже не хочу кого-то выделять. Я только хочу сделать одну ремарочку, она относится непосредственно к нашей теме. Приходится слышать: «Православные агрессивны в фейсбуке» и т. д. Я понимаю, что под этим подразумевается. Но хочу подчеркнуть, что одно с

другим принципиально сочетаться не может – «православные» и «агрессивные».

Приведу характерный пример из жизни: как-то раз после службы ко мне подошла одна верующая женщина и сказала: «Подпишитесь под требованием». Текст был по поводу документов, что в паспортах у нас что-то не так с религиозной точки зрения. Я тогда неправильно подошёл к этому вопросу: начал объяснять, что паспорт – это материя, что она не может ни приблизить к Богу, ни отдалить от Него. Начал теоретизировать по полной. Не подписал, и человек ушёл обиженным.

А потом она пришла в другой приход, недалеко от нас, и там один священник очень точно в нашу тему попал. Ознакомившись с документом, он сказал: «Я подписать не смогу, потому что это требование». Она спрашивает: «Почему?» А священник отвечает: «Потому что мы, христиане, не можем требовать. Агрессивность подхода не совмещается с христианством. Можем рекомендовать, просить, объяснять, но требовать агрессивно мы не можем ничего».

И вот в этом контексте я хотел бы продолжить. Очень хорошо было сказано о взаимном покаянии. Понимаете, мы все вышли из одного времени, и если мы раньше боролись с врагами одними, то в церкви теперь «борются с врагами православия», а в науке «борются с церковниками, которые лезут во власть», и т. д. У нас само состояние Акции Национального Покаяния – оно агрегатное. Как бы конгениальное по своему формированию XX веку. Я со своей стороны, со стороны церкви, хорошо понимаю, где в ряде случаев наша неправота. В конце 1980–1990-х гг. мы решили всё «воцерковить». Но мы ошиблись, потому что воцерковить можно только «кого-то», но невозможно воцерковить «что-то». Мне кажется, как раз на этом уровне очень много конфликтов между церковью и культурой было и есть.

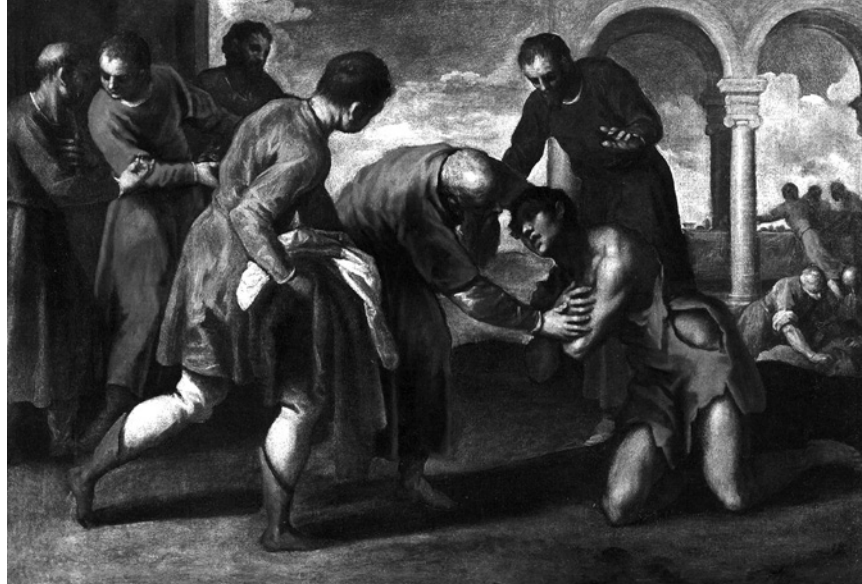
Например, в 1990-е годы стали говорить о православной психологии и православных психологах. Право-

славный психолог – это нормально. Есть психолог православный, есть психолог – мусульманин, а есть психологи, индифферентные к какому-либо конфессиям. Но сказать «православная психология» – это всё равно, что сказать «православная география», «православная математика». Нельзя воцерковлять сферы жизни! Это как добро и зло. У нас очень много путаницы в этих понятиях, потому что мы рассуждаем о добре и о зле, забывая, что самих по себе добра и зла не существует, есть только носители того и другого. Каждый из нас носитель и того, и другого. Точно так же есть, например, носители культуры, и есть носители церковности. В том-то и дело, что воцерковление культуры зависит от того, насколько воцерковлены сами носители культуры. Один из ярчайших примеров – Сергей Сергеевич Аверинцев, человек высочайшей культуры и высокой степени духовности, духовной жизни, церковной жизни.

Мне нравится мысль отца Сергия Булгакова насчёт культуры как блудного сына и церкви – как старшего сына. Дело в том, что если брать науку и искусство в отрыве от духовных корней, то это – тот самый блудный сын: обезбоженная наука, обезбоженное искусство, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Гедонизмом, например, конъюнктурностью и подобным.

То же самое – старший сын. Одно дело, как он отнёсся к младшему брату, другое – что отец ему говорит: «Всё моё – твоё». А в том-то и дело, что и его, во-первых, нужно звать на пир, но с другой стороны, его ответ Отцу по смыслу: «Отец, мне нужно своё, а не твоё». В этом его главная ошибка.

И у нас в церкви так очень часто происходит, что как раз от неё и отталкивает. Люди, которые из науки приходят, догматики боятся («это не догма, то не догма и т. д.»). В принципе, это перефразирование известного выражения «марксизм не догма». Но

Возвращение блудного сына. Джованне Пальма, 1595 г.

дело не в догмате. Догмат ничем не плох, он, безусловно, точен, когда он относится к Богу. А вот когда мы начинаем догматизировать человеческие произведения, начинается беда. Диалога на этом уровне, конечно же, не может быть. Мы друг друга здесь никогда не услышим.

Напоследок я процитирую слова о. Сергия Булгакова из его статьи «О Церкви и культуре»: «Тот, кто отвергает творчество во имя аскетизма, в действительности делает это во имя нигилизма. Подлинный аскетизм следует рассматривать как величайшую творческую силу в мире».

Есть широко известная работа М. Бахтина о карнавальной культуре³. Там он говорит, что сама карнавальная культура – это реакция на аскетизм общеидеологической религиозной жизни. Нисколько не споря с этим тезисом, хочу подчеркнуть, что это реакция именно на то, о чём на этой встрече уже упоминали: что и в церкви может быть идеология. В этом страшная беда, когда мы что-то начинаем идеологизировать. Вместо взаимоотношений приводим некие правила, когда бы они ни были написаны или придуманы: «обязательно так надо жить». Такой «аскетизм» тоже отпугивает от церкви. Очень точные слова о. Сергия возвращают изначальный смысл аскезы. Ведь аскеза – это не цель. Родилась она у людей, у которых уже завязались личные взаимоотношения с Богом, эти отношения росли. И вычиталось всё то, что разделяло их с Ним, где они Его внутренне теряли. В основе

аскезы лежат очень интенсивные движения к Богу и ближнему. А когда эта содержательная сторона теряется, то остаётся одна форма, которая становится ярмом для любого. Тем более, когда эти формы ещё идеологизируются и догматизируются, они окончательно теряют всё живое. Как, например, в центре зерна есть основа – зародыш, а всё остальное – питательная среда, и когда вот это основное, живое теряется, а питательная среда остаётся, то кончается диалог и начинается полемика. Разница огромна, потому что полемика всегда термоядерна. Полемизируют всегда с кем-то, поэтому с неизбежностью переходят на личности, а дискутируют всегда о чём-то. Дискутировать могут люди, стоящие на совершенно разных позициях, потому что они друг в друге заинтересованы, всегда ждут от другого что-то такое, что сами не знают – отсюда и диалог.

Мне кажется, очень важно людям невоцерковлённой культуры и нам, церковным людям, определить, что мы изначально в самих идеях совершенно не враги. Мы не противоречим друг другу. Наши противоречия – не в идее, а в наших установках. Вот, наверное, в этом фарватере может быть какой-то выход.

Знаете, где точка встречи, и чего боится ещё культура? Боится, что церковь – это область запретов и априорных установок. Но в том-то и дело, что это не так. Церковь и вера – это область смысла и красоты. В этой области, в этой точке мы и встречаемся с культурой. **КФ**

³ Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965; 1990.

Иконописцы – о встрече Младенца Христа и старца Симеона

Александр Копировский

Мозаика. Церковь Санта Мария Маджоре. Рим. V в.

В евангельском тексте о Сретении – принесении Младенца Христа Богородицей в храм, где Его встречают («сретают») старец Симеон и пророчица Анна – акцентируется узнавание Симеоном в Младенце Спасителя мира, после чего Симеон просит «отпустить» его из этой жизни (Лк 2:31–32). Изображение этой сцены ограничивается пятью взаимодействующими фигурами: Богородица, Младенец Христос, Симеон, Анна и Иосиф.

Но уже в древнейшем изображении Сретения – мозаике церкви Санта Мария Маджоре в Риме (вторая четверть V в.) – видно стремление её авторов не к простому иллюстрированию сюжета, а к его «идеальной постановке» (выражение известного церковного археолога Н.В. Покровского¹). Действительно, все фигуры в этой мозаике исполнены величия, поэтому само событие показано как имеющее сверхреальное, символическое значение. Акцентируется собственно «Сретение»: встреча Младенца Христа и Симеона, которая воспринимается как невозможная ранее встреча Бога и человека. Дело в том, что сцена Сретения находится здесь в цикле мозаик, посвящённых опровержению на III Вселенском (Эфесском) соборе 431 г. учения константинопольского патриарха Нестория, не почитавшего Деву Марию Богородицей².

Младенец на руках Марии в этой сцене изображается протягивающим руки к Симеону. Это не жест благословения, как иногда считают, и не жест молитвенной просьбы («деисис»), невозможный здесь по контексту события. Наоборот – это торжественное и радостное приветствие Христом того, кто ожидал Его долгие годы.

В дальнейшем при анализе иконографии Сретения обычно выделяются две основные иконографические схе-

Мозаика. Палатинская капелла. Сицилия. XII в.

мы: ассиметричная, где Богородица с Младенцем, Иосиф и Анна подходят к Симеону, и симметричная, где Богородица и Иосиф находятся, как правило, слева, а Симеон и Анна справа от центра композиции. Может возникнуть впечатление, что после IX–X в., когда иконография Сретения в этих двух вариантах вполне сложилась, она не претерпевает существенных изменений, но лишь упрощается, а меняются только её несущественные детали. Посмотрим, так ли это.

Обнять или оттолкнуть

С таким же жестом, как в предыдущей мозаике, Христос изображен в ряде других икон, фресок, книжных миниатюр. Однако акценты их авторы ставят разные. Например, в мозаике Палатинской капеллы в Сицилии (XII в.) движение Младенца Христа к Симеону очень динамичное, порывистое. Христос стремится обнять старца, словно давно знакомого Ему человека.

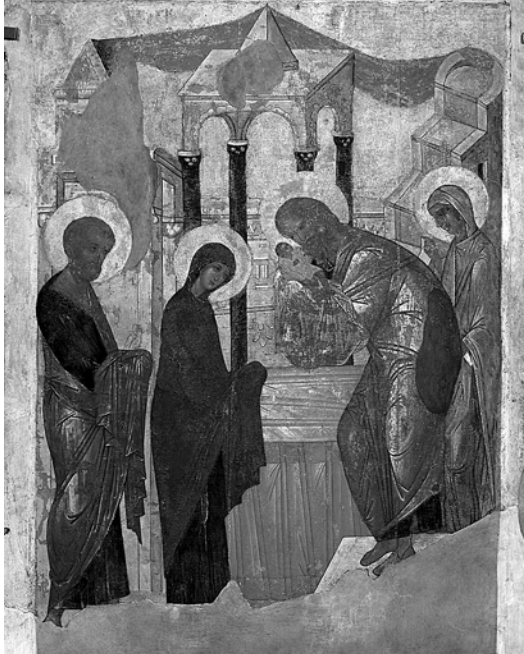
Младенец в Сретении почти всегда одет либо в светлую детскую рубашку, либо в свободное золотистое одеяние, символизирующее Его небесную славу. Но можно привести и исключение из этого правила: на фресках церкви Успения в Грачанице, 1321 г., Младенец на руках Богородицы – в белых пеленах, обвитых красной тесьмой, как в сцене Рождества Христова. Эта деталь делает пелены похожими на погребальные. Таким способом в изображении делается

¹ Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 193.

² См.: Успенский Л.А. Богословие иконы Православной церкви. Париж: Издательство Западно-Европейского экзархата Московского Патриархата, 1989. С. 55.

Фреска. Церковь Успения на Волотовом поле. Новгород. XIV в.

Андрей Рублёв. Государственная Третьяковская галерея. 1408 г.

Мозаика. Церковь Богоматери Кириотиссы (Календерхане). Константинополь. VII в.

акцент на будущей крестной жертве Христа, к которой Он предназначен с самого начала жизни.

Неожиданными после этого кажутся многочисленные изображения, где Христос в Своих реакциях на происходящее показан как обычный младенец. Например, когда Он, сидя на руках Марии, отворачивается от Симеона. То же самое происходит, когда Младенец сидит на его руках. А на миниатюре из одной византийской рукописи XIV в. Младенец даже упирается обеими руками в грудь Симеона.

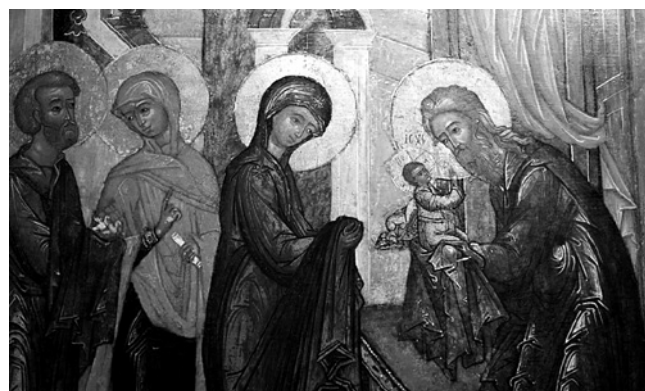
Продолжая тему непривычных для зрелого средневековья «живоподобных» движений Младенца в этой сцене, можно назвать фреску церкви Успения на Волотовом поле, Новгород, конец XIV в. Но эмоциональная заострённость последней отнюдь не такова, как её описал, например, известный историк искусства Г.И. Вздорнов: «... замечательна фреска “Сретение”, где буквально слышится вопль младенца, рвущегося из рук Симеона»³. На самом деле выразительность сцены построена отнюдь не на таком «натурализме», а наоборот – на сочетании условных и «реалистических» элементов, что её чрезвычайно усиливает. Удивительно, что такое сочетание оказывается здесь на редкость органичным.

В целом ряде изображений иконописцы избирают иной вариант: Младенец спокойно лежит на руках Симеона, как на иконе из праздничного ряда Успенского собора во Владимире (Васильевский чин) Андрея Рублёва, 1408 г., Гос. Третьяковская галерея.

Можно констатировать удивительную свободу иконописцев, находящих всё новые и новые положения фигуры Младенца, особенности Его жестов и т. д. Такое разнообразие не зависит ни от симметричности или асимметричности композиции, ни от времени или места создания образа.

«Не старец Меня держит, но Я держу его»

Особое значение в иконографии Сретения имеет её вариант, в котором Младенец, сидящий на руках Богоматери, правой рукой с двумя вытянутыми пальцами,

Икона. Тверская обл. Музей имени Андрея Рублева. Вторая половина XVII в.

указательным и средним, благословляет Симеона. Это отражено уже в одном из доиконоборческих изображений – мозаике VII в. из константинопольской церкви Богоматери Кириотиссы (Календерхане).

Начиная со второй половины XVII в. и позже, вплоть до XIX в., иконописцы изображают Младенца, Который благословляет Симеона как старший младшего (изображение правой рукой в воздухе крестного знамения). Причем сидит Младенец уже не на руках Марии, а на руках Симеона, поднимая руку почти к его лицу (икона из Тверской области, Музей имени Андрея Рублёва, вторая половина XVII в.).

На фреске центрального нефа собора в монастыре Дечаны, XIV в., Младенец изображён держащим в левой руке свиток – это символ его учительства. Правой же рукой Он делает скорее указующий, чем благословляющий жест, обращённый к Симеону. Над сценой Сретения на этой фреске сделана надпись: «Хотящу Симеону от сущаго века преставитися» (начало 7-го кондака из Акафиста Богородице). Эту надпись изображение в определенном смысле продолжает: Младенец жестом «отпускает» Симеона,

³ Вздорнов Г.И. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом

поле близ Новгорода. – М.: Искусство, 1989. С. 83.

Икона. Угличский музей-заповедник. Середина XVIII в.

Икона. Храм Христа Спасителя в Москве. Вторая половина XIX в.

Икона. Ярославский художественный музей. Первая половина XVII в.

отвечая на его желание. Удивление вызывает благословляющий жест Младенца на иконе из Угличского музея-заповедника (середина XVIII в.), обращенный к Богоматери. Видимо, провинциальный иконописец сделал это по недоразумению, не поняв смысла жеста Младенца, означающего «отпущение» Симеона.

Неожиданный, но очень смелый, выразительный шаг в сторону от символично-литургической интерпретации сюжета показан на иконе академического письма из верхнего ряда главного иконостаса храма Христа Спасителя в Москве, написанной Т.А. Неффом в 1860-е гг. (воссоздана). Здесь Младенец на руках Симеона изображен фронтально. Он благословляет тех, кто будет стоять перед этой иконой.

И с пьедесталов падают идола...

В ряде относительно поздних изображений Сретения появляются новые существенные детали. Так, на иконе из Ярославского художественного музея, первая половина XVII в., в нижней её части изображена адская пасть, в которой находятся ждущие избавления ветхозаветные пророки и праведники. Из правой руки Младенца, сидящего на руках Симеона, исходит луч света, направленный к ним. Это почти буквальная иллюстрация богослужебных песнопений, принадлежащих отцам Церкви VIII в.: святым Андрею Критскому, Герману Константинопольскому и Косме Маюмскому. В них подробно раскрывается тема света, увиденного, в соответствии с текстом евангелия от Луки, Симеоном в Младенце: «Ибо видели очи мои спасение Твое..., свет во откровение язычникам...».

Кроме того, иконописец располагает на иконной доске перечень апокрифических сюжетов, повествующих о Симеоне как одном из семидесяти переводчиков-толковников Ветхого Завета с еврейского языка на греческий. В левом нижнем углу иконы изображен Симеон, переводящий текст Исаии «Се, Дева во чреве приимет» и сомневающийся в этом; в правом нижнем – ангел, указывающий

ему на находящуюся в левом верхнем углу Богоматерь с Младенцем как на исполнение этого пророчества. В левом верхнем углу – иллюстрация слов Симеона Богоматери «Тебе самой душу пройдёт оружие»: ангел подносит Богоматери и Младенцу орудия Страстей. Слова Симеона о Младенце «Сей лежит на падение и восстание многих» проиллюстрированы в правом верхнем углу тем, что в Египте во время пребывания там Святого Семейства с пьедесталов падают идола.

В итоге можно утверждать, что, несмотря на наличие устойчивой основы иконографии Сретения в виде евангельского текста, этот сюжет в мозаиках, фресках, скульптуре, иконах многократно изменяется в деталях, причём существенных, что значительно обогащает исходный вариант. Выявляется целый ряд направлений в иконографических интерпретациях этого праздника: обращение Младенца к Симеону, благословение («отпущение») Им Симеона, обращение Младенца к Марии, а также варианты этих интерпретаций с различными смысловыми акцентами.

Многоплановость образа «Сретения» достигается иногда за счёт использования дополнительных по отношению к Евангелию письменных источников (прежде всего, богослужебных текстов).

Но главным побудительным мотивом к новым интерпретациям сюжета становится творческий поиск самих иконописцев. Множественность иконографических вариантов, расширяющих важные смысловые аспекты сюжета, позволяет видеть в этих вариантах не систему «авторских отступлений от канона», как считали даже такие известные учёные как академик М.В. Алпатов и Г.К. Вагнер⁴, а реализацию значительно более широких, чем обычно представляется, возможностей самой канонической живописи⁵. **КФ**

⁴ Алпатов М.В. Икона «Сретения» из иконостаса Троицкого собора ... образа в древнерусской живописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 559–560; Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1987. С. 57.

⁵ См.: Бусева-Давыдова И.Л. О свободе средневекового искусства:

художник и иконографическая традиция // Церковное искусство, его восприятие и преподавание: Материалы Всероссийской конференции с участием зарубежных специалистов (Москва, 11–12 мая 2006 г.). М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2007. С. 152–172.

1917

МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Революция 1917 года – не дата из книги, это истории наших семей, наших бабушек и дедушек. Их воспоминания, их светящиеся глаза, чай с румяными пирогами на старенькой кухне. Это то, о чём они успели нам рассказать, и то, о чём специально умолчали. Что стоит за этим молчанием? В юбилей революции 1917 года важно осмыслить то, что произошло с нами в XX веке, подвести итоги столетия. Медиапроект «Стол» издал книгу воспоминаний «1917: моя жизнь после». Это книга о наших историях, о нашей памяти.

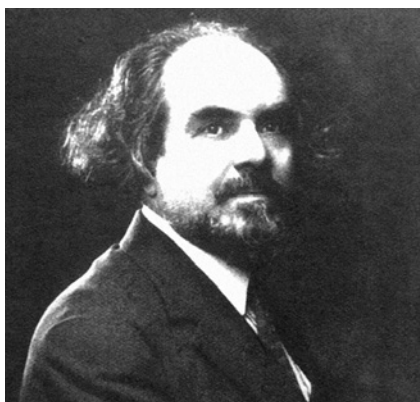
kniga1917.ru
predanie.org

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

Вера

Великий пост – это традиционное время научения вере людей, приходящих в Церковь. Но это его значение не только оказалось со временем забыто вместе с упадком катехизации, но и по сей день остаётся мало востребованным в большинстве приходов: там просто нет просвещаемых, готовящихся к крещению (правды ради нужно сказать, что число приходов, где они есть, постепенно растёт). Думается, именно в это время всем нам стоит восполнить те лакуны и пробелы, которые остались у многих из нас даже в научении основам веры. И может быть, из этого усилия родится и умение свидетельствовать тем, кто станет в будущем просвещаемыми?

В марте исполнится 70 лет со дня кончины одного из величайших философов и пророков XX века – Николая Александровича Бердяева. Он принадлежал к тому поколению русской эмиграции, которое своё изгнание поняла как посланничество. Его произведения вернули в сферу христианской мысли размышления о творчестве, о свободе и достоинстве человека.